

Серия «Мировой порядок»

Андрей Кокошин

РЕАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ
в современной мирополитической системе

Издание 3-е, расширенное и дополненное

Москва
Издательство «Европа»
2006

ББК 323.2

УДК 60.5, 66.0, 68

К 95

Козюкин Андрей Афанасьевич

Реальный суверенитет в современной мировоззренческой системе. Издание 3-е, расширенное и дополненное. –

М.: Издательство «Европа», 2008. – 180 с. – (Мировой порядок)

Предисловие

академика РАН Г.В. Овчинова

и генерал-полковника В.Я. Потопилова

Научный редактор к.и.н. Н.А. Долгополова

В данной работе директор Института проблем международной безопасности РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, бывший секретарь Совета безопасности России А.А. Козюкин рассматривает теоретические и прикладные проблемы выделенной им в конце 1980-х годов концепции «реального суверенитета». Обоснованность этой концепции проиллюстрирована им, в частности, политикой таких государств, как Китай и Индия. Автор останавливается на вопросе актуальности данной концепции для России, для российской внешней, оборонной, экономической, научной политики. В книге представлены ряд конкретных предложений, разработок автора по этим вопросам.

Издание адресовано специалистам и широкому кругу читателей – преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарных вузов, всем, кто интересуется проблемами мировой политики и внешней политики России.

The author the Director of the Institute for the International Security Studies of the Russian Academy of Science, Dean of the School of the World Politics of the Moscow Lomonosov's University, Former Secretary of the Security Council of the Russian Federation, in the present work he is examining the theoretical and applied problems related to the actual sovereignty- concept that he introduced in the late '80s. The validity of this concept is illustrated in particular with the policy and the achievements of such states as China and India. The author dwells on the question of the concepts' relevance for Russia, its foreign, defense, economic and scientific policies.

The publication addresses both specialists and a wide circle of readers: professors, post-graduates and students of humanitarian colleges – all those who are interested in the problems of World Politics and the foreign policy of Russia.

© А.А. Козюкин, 2008

© Институт проблем международной безопасности РАН,
факультет мировой политики МГУ

им. М.В. Ломоносова, 2008

© Издательство «Европа»,

оформление, 2008

ISBN 5-9739-0058-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

В СВОЕЙ НЕБОЛЬШОЙ МОНОГРАФИИ А.А. Коношин обратился к исключительно важной для нашего государства и общества теме обеспечения достойного места для России в современном все более усложняющемся мире.

К этой теме автор не раз уже обращался в своих предыдущих выступлениях и как ученый, и как политик, отстаивая необходимость развития отечественной промышленности и науки, обеспечения независимой системы обороноспособности страны, проведения Россией самостоятельной внешней политики в условиях глобализации.

Данная публикация – третье издание монографии Коношина (расширенное и дополненное) на данную тему. Два предыдущих издания

активно используются, в частности, в образовательном процессе в целом ряде отечественных вузов.

Введение Кокошиным понятия реальный суверенитет (которым он оперирует уже на протяжении целого ряда лет), отработка им концепции реального суверенитета позволяют адекватно отобразить положение ряда ведущих государств в современной мировой политике, представить более четкую систему координат, в которой может и должна проводиться наша внешняя, оборонная, экономическая и культурная политика. Это можно считать серьезным вкладом автора в развитие понятийного аппарата политологии международных отношений. Термин реальный суверенитет стал в последнее время все чаще употребляться отечественными политиками и политологами.

Кокошин обоснованно отмечает, что обеспечение реального суверенитета отнюдь не означает автаркии в экономике, изоляции от остального мира в духовном и культурном отношении; наоборот, согласно его формуле политика разумного обеспечения реального суверенитета способствует наиболее оптимальной интеграции страны в мировую экономику.

Формула реального суверенитета, которым всегда обладает сравнительно небольшое число государств, современна, исключительно актуальна для политических процессов в международных отношениях XXI века, тогда идея суверенитета государства объявляется устарев-

шей, чем особенно грешат представители общественных наук и политики США, не замечая при этом, что сами Соединенные Штаты отнюдь не отказываются от своего суверенитета, а, наоборот, действуют таким образом, что усиливают его, причем за счет суверенитета многих других субъектов мировой политики.

В этом небольшом, но весьма емком труде Кокошина удачно сочетаются как теоретическая, так и прикладная части, что является прямым следствием личного опыта автора, сочетающего как серьезную научную работу, так и плодотворную практическую деятельность в интересах России, национальной безопасности нашей страны.

В научном сообществе Кокошин известен в том числе тем, что одним из первых в нашей стране провел научное исследование феномена глобализации, того, какое значение он имеет для интересов России, для нашей национальной безопасности.

С именем Кокошина связано создание целого ряда самых современных систем вооружений в условиях тяжелейших 1990-х годов, выживание и развитие большого числа предприятий отечественной наукоемкой промышленности – как военной, так и гражданской, продвижение многих научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Это относится к межконтинентальной баллистической ракете «Тополь-М», высокоточному дальнобойному оружию в неядерном снаряжении,

малошумным многоцелевым атомным подводным лодкам, системе космической навигации «ГЛОНАСС», ракетной системе «Искандер» и др. Работая в качестве председателя Комитета Государственной думы Федерального собрания России по делам СНГ и связям с соотечественниками, Кокошин сделал немало для восстановления позиций России на постсоветском пространстве, для развития отношений с новыми государствами, возникшими в результате распада СССР; для усиления Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), для строительства Союзного государства России и Белоруссии.

В настоящее время наряду с активной работой на внешнеполитическом поприще Кокошин много делает для развития различных сегментов российской промышленности, особенно наукоемкой, для укрепления системы обороноспособности и госбезопасности России.

Практическая деятельность Кокошина в сфере обеспечения национальной безопасности России, промышленно-экономического развития, науки и образования делает еще более убедительным его теоретическое обоснование формулы реального суверенитета для России; а то, что он именует в своей книге «контурами российской стратегии обеспечения реального суверенитета», – серьезными, основанными на практическом опыте положениями для практической политики.

А.А. Кокошкин известен тем, что он всегда отстаивал значительную роль государства в обеспечении экономического роста в нашей стране для завоевания Россией достойного места в мировой экономике. Усиление роли государства соответствует объективным потребностям России в современных условиях и общественным ожиданиям россиян, что подтверждается многочисленными социологическими исследованиями.

Эти позиции ему довелось отстаивать в тяжелейших условиях 1990-х годов, когда в российской политической элите, в наших СМИ доминировали совсем иные подходы. Сегодня идеи усиления роли государства, необходимости активной промышленной политики пробивают себе дорогу, реализуются на практике. В этом в том числе заслуга Кокошкина и его единомышленников.

Г.В. Осипов,
действительный член
Российской академии наук,
научный руководитель Института
социально-политических исследований
РАН

В.Я. Потапов,
генерал-полковник запаса,
бывший заместитель
секретаря Совета безопасности
Российской Федерации

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И «РАЗМЫВАНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА»

ЕЩЕ В 1970-Х ГОДАХ в научно-исследовательских кругах отмечалось, что государства уже не играют столь доминирующей роли, как в предыдущие периоды истории и что возросло значение других – транснациональных, негосударственных – акторов и соответственно транснациональных отношений в противовес межгосударственным. Тогда это явление описывалось прежде всего как феномен роста комплексной взаимозависимости государств и народов¹. Понятие взаимозависимость было своего рода предтечей понятия глобализация, к которому стали особенно активно прибегать в 1990-х гг.

При этом не следует забывать, что взаимозависимость в 1970-х гг. рассматривалась не только в экономическом измерении, но и в полити-

ко-военном и военно-стратегическом, поскольку большая часть политического класса ведущих стран мира, прежде всего США и СССР, осознала реальность возникновения в этот период военной истории ситуации взаимного ядерного сдерживания, как стали говорить тогда, «ядерного пата». Глобализация не привела к исчезновению положения взаимного ядерного сдерживания, хотя и значительно изменила его политический характер (при практической неизменной оперативно-стратегической и технической составляющих ядерного сдерживания)⁷.

Сам процесс роста взаимозависимости государств мира начался по крайней мере в конце XIX – начале XX в., но был прерван Первой мировой войной и Октябрьской революцией 1917 г. в России, а затем, конечно, Второй мировой войной и был деформирован последовавшей в послевоенный период холодной войной⁸. (Однако внимания заслуживает и другая точка зрения некоторых отечественных и зарубежных авторов, в соответствии с которой следует различать собственно процесс глобализации как сравнительно новое явление и процесс интернационализации, начавшейся значительно раньше.)

В наиболее общем виде глобализацию можно различать как процесс и как идеологию; последняя часто на деле носит весьма агрессивный характер, имеющий свою политическую производную⁹. Многие исследователи отмечают, что глобализация, особенно за счет развития телекоммуникационных сетей, создает но-

вую иерархию власти и влияния в мировой политике, в том числе в пользу негосударственных акторов мирополитической системы.

В экономике нарастающая глобализация проявляется в росте международной торговли, опережающем рост ВВП всех стран, в увеличении масштабов и темпов перемещения капиталов, создания и развитии транснациональных корпораций (ТНК). Как отмечается в серии разработок ИМЭМО РАН, на почве углубляющегося международного разделения труда и революции в сфере транспорта и телекоммуникаций в последние десятилетия произошел скачок в развитии ТНК, зародившихся еще в начале прошлого столетия. Торговое «взаимосцепление» национальных хозяйств дополнилось новыми прочными узлами – международной собственностью на основные производственные фонды. Создание международной производственной сети на основе прямых заграничных инвестиций открыло возможности для быстрого размещения мощностей по выпуску стандартизированной продукции в различных регионах мира.

Вслед за упрочением торговых и промышленных связей между странами мира стал стремительно формироваться мировой финансовый рынок, который превратился в средство мобилизации свободных мировых денежных ресурсов и их инвестирования в различные производственные и финансовые объекты. Экономика каждой страны (как экспортирующей капиталы, так и принимающей прямые

иностранные инвестиции) становится все более транснациональной.

Характер финансовых рынков за последние 20–30 лет изменился самым радикальным образом. Благодаря бурному развитию телекоммуникационных сетей, вычислительной техники (и особенно программного обеспечения) стало возможным объединить основные мировые финансовые центры в глобальную систему торговли ценными бумагами. Созданы условия для мировой интеграции фондовых бумаг и внебиржевых рыночных активов. Формируется всемирный рынок акций, на котором операции происходят практически круглосуточно⁸.

Движение обменных курсов, курсов акций, процентных ставок стало взаимосвязанным, взаимозависимым, подлинно мировым – глобальным. Процесс «делания денег» в финансовой сфере за последние 10–12 лет приобрел еще более автономный по отношению к мировой экономике характер, чем это было прежде. Однако он потребовал и больших масштабов вложений, большей изобретательности и большей степени готовности к риску, создания все более изощренных технологий, опирающихся, в частности, на возможности глобальных информационных систем⁹.

В современной мировой экономике при изменении ситуации на финансовых рынках информация распространяется практически мгновенно. Тысячам инвесторов и их агентов приходится принимать решения о перемеще-

ния капитала в реальном масштабе времени. В результате этого они не имеют возможности для проведения предварительного анализа экономической ситуации в целом. Это, с одной стороны, резко повышает требования к профессиональной квалификации, экономическому и политическому кругозору тех, кто такие решения принимает, и с другой – увеличивает масштаб последствий от принятых решений, особенно для тех стран и для тех субъектов хозяйственной деятельности, которые не обладают сильными механизмами контроля такого рода воздействия. Скорость и гибкость в реакции на поступление новой информации⁷ становится все более важными для обеспечения дееспособности политических партий, хозяйствующих субъектов, индивидуумов.

Хозяйственное сближение стран, взаимозависимость имеет как позитивные, так и негативные последствия. Помогая в ряде случаев быстрее продвигаться по пути экономического роста, экономическая взаимозависимость одновременно сделала каждую страну весьма чувствительной к внешним воздействиям. Функционирование экономики любой страны все больше зависит от внешних факторов. (Сразу же следует отметить, что степень чувствительности страны к внешнему воздействию зависит не только от масштабов ее экономики, степени ее диверсифицированности, но и от политики, проводимой государством и «политическим классом», деловой элитой.)

В мировом экономическом пространстве все более важную роль стали играть негосударственные транснациональные центры принятия стратегических экономических решений – транснациональные (многонациональные) компании, корпорации (далее ТНК), транснациональные банки, международные инвестиционные фонды и т. п. Множество таких частных субъектов внедряются в сферу хозяйственной деятельности национальных правительств и вносят коррективы в их политику. Более того, самые крупные из них способны влиять на финансовую и иную конъюнктуру мирового хозяйства в целом*.

Одна из новых черт мировой экономики в условиях глобализации – резко возросшая скорость возникновения и распространения кризисов на финансовых рынках. Они сопровождаются самыми тяжелыми политическими и социальными последствиями для реального сектора экономики, для сотен миллионов людей. Это наиболее наглядно проявилось во время азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. Портфельным инвесторам, тысячам операторов различных финансовых компаний свойственна гипертрофированная реакция на информацию о негативных изменениях на том или ином рын-

* В 1990-е гг. символом глобализации, ее главными субъектами считались транснациональные корпорации, связанные с информационной сферой, среди которых особое место занимал «Майкрософт». В текущем десятилетии в мировой таблице о рейтинге компаний информационного профиля во многом оказалась потесненными энергетическими (нефтегазовыми) ТНК.

ке, в той или иной стране. Такая реакция – феномен скорее психологический, рефлекторный, чем плод разумно обоснованных оценок⁹. Правда, одновременно мобильность мировых финансовых ресурсов создает для страны и регионов возможность более быстрого, чем раньше, выхода из кризиса.

Финансовые рынки, становясь все более автономными в реальной экономике, имеют свою специфику и закономерности, непонятные многим традиционным экономистам. Более того, эти рынки стали неподвластны юрисдикции многих отдельных, в том числе и крупных, государств. Глобализация финансовых рынков подчиняет своему влиянию даже те страны, которые слабо на них представлены в силу отставания в развитии от лидеров¹⁰.

Это имеет прямое отношение и к России. Наиболее значительно ее связь с мировыми финансовыми рынками до недавнего времени выражалась прежде всего в огромном внешнем долге, во многом унаследованном от Советского Союза¹¹. В связи с этим большую роль в экономике России стали играть отношения с Международным валютным фондом (МВФ), а также с Лондонским и Парижским клубами кредиторов. МВФ, предоставляя России кредиты, стал выставлять все более жесткие и детальные ус-

---

⁹ Как показала события последних лет, это в полной мере относится и к рынкам нефти и нефтепродуктов. Это имеет особое значение для интересов России, о чем подробнее будет сказано далее.

ловня, выполнение которых де-факто весьма значительно ограничивало суверенитет страны. Как отмечает заместитель руководителя Администрации Президента РФ В.Ю. Сурнов, России приходилось ежегодно утверждать федеральный бюджет в МВФ¹⁰.

МВФ в отношении восточноевропейских стран, и особенно России, проводил особо активную политику давления, целью которой была максимальная либерализация, «разгосударствление» экономики, что на деле не соответствовало по многим параметрам и практике ряда наиболее развитых государств¹¹. Как отмечает нобелевский лауреат американский ученый Дж. Стиглиц, одним из оснований этой политики была презумпция того, «что государство с неизбежностью неэффективно»¹². По словам Стиглица, «даже если в работе рыночного механизма возникают проблемы, государственное регулирование неизбежно ухудшит дело, следовательно, лучший курс заключается в том, чтобы просто предоставить все самокоррекции рыночного механизма»¹³.

Именно давление МВФ не дало в 1999 г. провести даже скромную налоговую реформу в России – путем снижения налога на добавленную стоимость. В результате налоговое бремя не только не ослабло, но даже усилилось, так как был введен налог с продаж, а НДС остался прежним. Это являлось одним из тормозов в обеспечении устойчивого экономического роста, в выводе из «тени» значительной части рос-

сийской экономики. МВФ, предоставляя России кредиты, стал выставлять все более жесткие и детальные условия, выполнение которых де-факто весьма значительно ограничивало суверенитет страны.

Такого рода давление оказывалось и на ряд государств, которые добились (в отличие от России или восточноевропейских стран, входивших в социалистический лагерь) высоких результатов на мировом капиталистическом рынке. Ярким примером этому служит то давление, которое испытала на себе Южная Корея, когда в 1990-х гг. ряд компаний этой страны (действовавших в тесном взаимодействии с корейским госаппаратом) стали рассматриваться в США и Западной Европе как все более серьезные деловые конкуренты.

Академики О.Т. Бонч-Акунов и А.Д. Немчинов пишут, указывая на причинно-следственную связь между процессом глобализации, с одной стороны, и нарастающим стремлением многих стран «обеспечить в этих условиях свой суверенитет» – с другой. Они отмечают: «Глобализация повышает эффективность макроэкономической политики государства, уменьшая способность интернациональных правительств собирать деньги и финансировать «государство благосостояния», контролировать инфляцию и валютный курс. Она приводит к значительной нестабильности внутренних рынков, делает конкурентные преимущества национальных проду-

целям. Обеспечение прикладной криптологии в жесткой глобальной конкурентной среде достигается нередко ценой чудовищных экологических стандартов... Нередким является, что обеспечение суверенитета своего государства приобретает для многих стран, особенно развивающихся, особое значение. Иллюстрацию к этому дает финансовый кризис в Юго-Восточной Азии. Так, например, предостережение финансовой полиции МВФ странам, пострадавшим от кризиса, нередко обусловливало принятие последними далеко не самых разумных, а порой и просто губительных решений»¹⁴.

Сегодня главные схватки в мире разгораются не только за политический контроль над той или иной территорией, но и за «стратегические точки» в управлении международными финансовыми, а также информационными потоками. Основные игроки на этом изменчивом поле – крупные банки и финансовые корпорации, часто действующие при явной или замаскированной поддержке государства.

В первом десятилетии XXI в. снова все более важную роль начинает играть борьба за контроль над основными путями транспортировки энергоносителей (наряду с обострившейся борьбой за доступ к месторождениям нефти и природного газа, которые на обозримую перспективу сохранят свою весьма высокую долю в мировом энергобалансе)¹⁵. При выборе маршрутов прокладки нефте- и газопроводов учитывается не

только их непосредственная экономическая обоснованность и степень политической стабильности в странах, по территории которых пролегает маршрут, но и то, как они вписываются или не вписываются в более общие геополитические схемы тех или иных государств и коалиций¹⁶.

Одной из центральных для политических заявлений лидеров многих государств, начиная с Соединенных Штатов Америки, стала тема «энергетической безопасности»¹⁷. (В 2005 г. тема «международной энергетической безопасности» была названа одной из центральных для «восьмерки» на 2006 г., когда председательство в этой организации переходило к России¹⁸.) В вопросах энергетической политики в последние годы соображения безопасности стали все больше перевешивать чисто экономические соображения, оценки тех или иных проектов по критерию «стоимость – эффективность». Факторы безопасности (в том числе политико-военного порядка) создают для бизнеса ситуацию высокой степени неопределенности¹⁹. Цена на нефть во все большей мере в последние 2–3 года определяется политическими рисками, а не сугубо экономическими факторами. (Нельзя закрывать глаза на то, что сфера международной энергетики характеризуется традиционно высокой степенью конфликтности для различных стран и групп стран, которая явно повысилась в силу комплекса причин в последние годы²⁰.)

Возвращаясь к роли новейших технологий, следует отметить, что они, опираясь на достиже-

ния общественных наук (социологии, социальной психологии, психолингвистики и др.), все больше ведут к увеличению доли в экономической деятельности того, что направлено не на преобразование окружающей среды, создание различных машин и механизмов, а на преобразование человеческого сознания, как индивидуального, так и коллективного. Именно эта сфера предпринимательской деятельности, одним из ярких примеров которой является рекламный бизнес, в последние 15–20 лет стала одной из наиболее прибыльных и динамично развивающихся²⁶.

В качестве новых факторов мирополитического процесса выступают не только транснациональные корпорации, но и различные неправительственные международные организации, которые, как считается, в условиях глобализации все активнее «замещают» государства-нации. Они действуют особенно активно в гуманитарной сфере. Более того, даже отдельные лица в современную эпоху влияют на ход и характер мировой политики²⁷.

Некоторые западные и отечественные авторы считают, что одной из черт, характерных для большинства неправительственных организаций, является то, что они действуют прежде всего на основе общих, «разделяемых ими либеральных норм и ценностей».

***

В последние 10–12 лет многие как иностранные, так и российские политики, политологи

и ученые (главным образом находившиеся в рамках традиции неолиберализма) высказывали мнение, в соответствии с которым перспективы сохранения в современных условиях суверенных государств (государств-наций) значительно сузились. Немало научных трудов и публицистических выступлений было посвящено вопросу о «размывании суверенитета». В них утверждалось, что в современном глобализирующемся мире в результате появления новых негосударственных акторов мировой политики он-де становится своего рода архаизмом. Выдвигается тезис о том, что в нынешней мирополитической системе на смену суверенным государствам-нациям в качестве основных игроков приходят не имеющие четкой национально-государственной идентичности транснациональные корпорации. Так ли это на самом деле? Еще в 1970-х гг. некоторые исследователи обратили внимание на то, что подавляющая часть транснациональных корпораций, проводивших операции глобального характера, в своей основе так или иначе имела определенную государственно-национальную окраску собственности и менеджмента. Тогда, как, впрочем, и сейчас, среди ведущих ТНК преобладали компании с доминированием американского капитала. Надо иметь в виду и то, что любой член руководства транснациональных компаний обладает определенным гражданством и должен отвечать соответствующим требованиям лояльности по отношению к своему государству, хотя понятно,

что степень этой лояльности в реальной жизни может широко варьироваться в зависимости от соотношения интересов конкретной корпорации и государства.

Многие государства по ряду важнейших направлений деятельности транснациональных корпораций (прежде всего в сфере безопасности в ее традиционном понимании) регулярно осуществляют контролирующее и корректирующее воздействие*.

Одним из ярких примеров этого служат меры американского государства, направленные на ограничение восточных инвестиций сверхлимитных технологий американскими ТНК в Китай, несмотря на коммерческую выгоды подобного рода вложений. Это же относилось и к фактически запрету на приобретение Китайской национальной нефтяной компанией (СНООС) в США в 2005 г. компанией «ЮНОКАЛ». В этой сделке китайцам было отказано, несмотря на наличие репутационных партнерских связей китайцев и американских нефтяных компаний, несмотря на очевидную экономическую и дипломатическую выгоду такого приобретения.

Китайская сторона при этом предлагала купить «ЮНОКАЛ» за 18,5 млрд. долл. – за 1,3 млрд. долл. дороже, чем ее ближайший конку-

* При этом существуют, безусловно, и явления обратного рода, когда те или иные компании (или группы компаний) оказывают сильное воздействие на политику государства, на поведение тех или иных компонентов государственной машины.

рента в этой сделке «Шелтон-Тексас». В заявлении Китайской национальной нефтяной компании было сказано, что причиной оттока от ее измеренной кубатов американскую нефтяную компанию было «бесprecedентное политическое давление» со стороны США. (В ходе обсуждения этой сделки в Конгрессе США рядом членов Конгресса был поставлен вопрос о том, что они будут противопоставить интересам национальной безопасности Соединенным Штатам²¹.)

Возвращаясь к появившимся в последние годы идеям десуверенизации, следует отметить, что та или иная трактовка суверенитета государства часто была и остается определенным идеологическим или политическим инструментом, имела, как теперь принято говорить, непосредственный операционный смысл. Российский исследователь А. Кустарев в своем обзоре работ западных политологов, посвященных «кризису государственного суверенитета», обоснованно пишет, например, что изучение реально действующих в мировой политике тенденций, которые действительно заставляют искать новые формулы суверенитета, имеет «сильный прогностно-оценочный оттенок» и явно адресовано действующим политикам и юристам²².

Во многих работах резкое ослабление в условиях глобализации роли государства как главного субъекта системы мировой политики связывается с десуверенизацией государства, пропагандируется тезис об универсальном характере

этого явления. В качестве одного из основных аргументов приводится европейская интеграция – создание Европейского экономического сообщества, трансформировавшегося в 1992 г. в Европейский союз (ЕС), и его значительное расширение в последние годы за счет приема новых членов. Географически локальная в масштабах планеты тенденция – развитие европейской интеграции – выдвигается за всемирную закономерность. Однако этот тезис не подтверждается развитием событий в большинстве других регионов мира. Да и в рамках самого ЕС интеграция реализуется отнюдь не однозначно.

Авторы, придерживающиеся такого рода подхода, тему десуверенизации современных государств тесно увязывают с проблемой активного распространения демократии по всему миру.

Однако с тех пор как понятие «демократизация» стало использоваться во внешнеполитических целях (особенно США и их последовательными союзниками среди европейских стран), его смысл постепенно менялся, а содержание трансформировалось. Вот как пишет об этом российский ученый А.Д. Богатуров: «Демократизация фактически представляет собой идеологию американского национализма в его своеобразной, надэтнической, государственнической форме. Подобную «демократизацию» США успешно выдают за идеологию транснациональной солидарности»²⁵.

Идея существования связки глобализация – десуверенизация – демократизация лежит

в основе активной политики воздействия на внутриполитические процессы формально суверенных государств. Такими идеями обосновывают «гуманитарные интервенции» в обход решений ООН, «экспорт демократии» – даже и насильственным путем, в нарушение существующих норм международного права. Во внешней политике США курс на «распространение демократии» является характерным не только для первых лет XXI в., он был таким и в 1990-х гг., а в принципе имеет значительно более глубокие исторические корни.

Начиная с 1993 г. примерами этой политики были сформулированы в обращении президента США У. Клинтон к Генеральной Ассамблее ООН, докладе государственного секретаря США У. Кристофера в Колумбийском университете, выступлении помощника по национальной безопасности Э. Лейба в Центре международных исследований Джона Гопкинса и в речи представителя США в ООН М. Олбрайт, произнесенной в Университете национальной обороны США⁹.

В последние несколько лет проявились весьма немаловажные расхождения в подходах Соединенных Штатов и ряда европейских стран к методам распространения демократии. В американской политической элите возобладала готовность использовать для этого военную силу, что и было продемонстрировано в ходе американо-английской операции в Иране. В западно-

европейских государствах доминирует отрицательное отношение к применению военной силы в ситуациях, подобных иракской¹⁷. Элиты стран Центральной и Восточной Европы, находясь в значительно большей зависимости от США, чем большинство западноевропейских государств, соответственно и в большей мере солидаризируются с американским «политическим классом». Это дало основание министру обороны США Дональду Рамофелду заявить о «двух Европах» в рамках Европейского союза – о «старой Европе» (отождествляемой прежде всего с Францией и Германией, выступившими против американско-английской агрессии в Ираке) и о «новой Европе» (странах, подобных Польше, которые были недавно приняты в ЕС, элиты которых поддержали военную анксию США). Новые идеологемы «демократизация» были восприняты и в политической элите ряда стран на постсоветском пространстве.

Об отношении России к политике «проталкивания «демократизации» в странах СНГ говорится, в частности, в интервью министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова газете «Трибуна»: «Поиск новых интернационалист методов борьбы, попытка «экспорта демократии» в страны СНГ с их несостоявшимися государственными структурами и правовыми системами, историей империалистической и колониальной обстановкой чревата дестабилизирующей и лютыми конфликтами»¹⁸. Руководитель аме-

интеллектуального общества подчеркнул, что у России другая позиция: «Мы твердо исходим из того, что демократия должна утверждаться в каждой стране на собственной национальной почве и на арабской основе»²⁰.

Сторонники «десуверенизации» в соответствии со своей концепцией настроены на пересмотр таких базовых понятий, как государство и государство-нация, система международных отношений, патриотизм, право наций на самоопределение, национальные интересы, национальная безопасность и др.

Как это ни парадоксально на первый взгляд, матрица «антисуверенитета» де-факто присутствует и в идеологии и практике экстремистских исламистских организаций, проповедующих идею халифата и выступающих против существующей мирополитической системы, основными элементами структуры которой остаются суверенные государства-нации²¹. Примечательно, что основной формой деятельности экстремистских организаций, использующих террор (терроризм) в качестве средства политической и идеологической борьбы, является сетевая транснациональная организация. Террористические акты и противодействие им приобрели в последнее время столь масштабный характер, что стали еще одним новым фактором, влияющим на существующий миропорядок. Как пишет Э. Соловьев, «если государство в самом деле воюет с негосударством, то феномен своеобразной «приватизации»

войны (одной из сторон. – А. К.) действительно существует». Это, в свою очередь, как считает данный автор, означает существенный поворот в эволюции международных отношений, мировой политики и, возможно, наносит наиболее чувствительный удар по принципу государственного суверенитета, ибо «негосударственный актер оказывается – как минимум в общественном восприятии – вровень с самой мощной державой мира: «США – против "Аль-Кажды"»²¹.

Необходимо постоянно иметь в виду возрастающую угрозу приобретения экстремистскими организациями, использующими террористические методы, ядерного оружия (или других видов оружия массового поражения). «Ядерный терроризм» – это, несомненно, одна из важнейших проблем современной мировой политики, масштабы и глубина решения которой пока явно неадекватны. Решение этой проблемы, безусловно, потребует многосторонних усилий в международном сообществе, формирования соответствующих международных механизмов, которые, как представляется, все еще неадекватны той угрозе, которая имеется в этой сфере. (В том числе необходимо и общее для партнеров по «антитеррористической коалиции» максимально корректное, адекватное определение терроризма²².)

Сотрудничество в этой сфере должно быть по-настоящему равноправным и взаимовыгодным. Но таковым оно может быть только тогда, когда более мощный и богатый партнер (кановым на

данном отрезке истории мировой политики являются США) с большим вниманием относится к интересам, мнению другого партнера, не пытается извлечь никаких односторонних преимуществ из собственно сотрудничества в данной конкретной сфере (что, надо откровенно признать, случалось крайне редко в истории международных отношений и мировой политики).

Значительная часть американской политической элиты на протяжении уже всего периода после ликвидации отношений холодной войны, распада Организации Варшавского договора и Советского Союза демонстрирует стремление ослабить позиции России в мировой политике по целому ряду параметров²⁰. Это проявляется в том числе в политике расширения НАТО на восток, в активных действиях против политики интеграции на постсоветском пространстве, проводимой Россией совместно с рядом других государств – бывших республик Советского Союза. Такая политика, безусловно, негативно влияет на уровень доверия между двумя государствами и народами, между госструктурами, в том числе теми, которые занимаются проблемами борьбы с экстремистскими организациями, использующими террор ради реализации своих целей. Между тем высокий уровень доверия между партнерами по «антитеррористической коалиции» крайне необходим именно в сфере предотвращения актов террора с использованием ядерного оружия и других видов оружия массового поражения.

С новым пониманием транснациональных процессов, места и роли государства в системе мировой политики связано появление и новой трактовки безопасности, в частности возникновение концепций «общественной безопасности» (*societal security*) и «человеческой безопасности» (*human security*)²⁴. Эти концепции в последние годы привлекли значительное внимание – их особенно много в странах Европейского союза. Там говорят о «парадигматическом изменении», переходе от доминирования принципа национальной безопасности (*national security*) и соответственно международной безопасности (*international security*) к принципу транснациональной, субнациональной и индивидуальной безопасности²⁵. Весьма примечательно то, что ни в США, ни в Индии, ни в Китае идеи такой трактовки безопасности не получили сколько-нибудь широкого развития и распространения в политическом классе этих стран²⁶.

«ДЕСУВЕРЕНИЗАЦИЯ» И РЕАЛЬНОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МИРОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

КАК ЗАПАДНЫЕ, так и отечественные сторонники идей «размывания суверенитета», «десуверенизации» практически не прикладывают их к США – крупнейшему государству современной мирополитической системы. Этого не делалось ни до трагических событий 11 сентября 2001 г., ни тем более после акта мегатеррора, который послужил толчком для многих важных изменений во внешней и оборонной политике моносверхдержавы⁴. Между тем эти изменения

---

⁴ Акт мегатеррора 11 сентября 2001 г. внесли глубокую травму национальному сознанию США. Одновременно они позволили мобилизовать огромный эмоциональный и политический, а затем и финансово-экономический ресурсы не только на войну с терроризмом, но и на решение (по представлениям значительной части американской политической элиты) других «человеческих» задач, свойственных многим великим державам в мировой истории.

не могут не сказаться на состоянии международных отношений и мировой политики.

В 1990-х гг. США выступали лидером экономических, информационных, социокультурных и политических процессов глобализации. При этом в ряде случаев Соединенные Штаты и де-юре, и де-факто поступались собственным суверенитетом, рассчитывая, разумеется, на то, что в силу своего преобладания и эффективности своих институтов они выиграют значительно больше, чем другие участники процессов десоверенизации. В начале XXI в. там произошла смена администрации – вместо либеральных демократов к власти пришла коалиция правых консервативных республиканцев и «неоконсерваторов», провозгласивших решительный отказ от ограничения суверенитета США в важнейших для всего международного сообщества вопросах¹⁷. Это касается защиты окружающей среды, борьбы с распространением бактериологического (биологического) оружия, ограничения роли ядерного оружия и обеспечения стратегической стабильности, дальнейшей либерализации мировой торговли и пр. Республиканская администрация Дж. Буша-мл. отказалась подписать отработанный и согласованный с огромным трудом Киотский протокол, специальный Протокол к Конвенции о запрещении бактериологического (биологического) оружия 1972 г., отказалась ратифицировать многосторонний Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний и вышла из двустороннего советско-американ-

сного (фактически – российско-американского) Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г. США ввели защитительные тарифы на импорт стали, а также приняли решение о крупномасштабном субсидировании сельского хозяйства, в то время как в рамках ВТО были достигнуты договоренности о начале переговоров по поэтапному отказу от его субсидирования и в США, и в Западной Европе.

Уже на протяжении длительного времени США декларируют свои особые права по обеспечению «энергетической безопасности»²⁸ западного мира, на что ориентирована в своих задачах значительная часть вооруженных сил США (и прежде всего Центральное объединенное командование – CENTCOM)²⁹.

США стремятся обеспечить за собой особые права (и возможности) в управлении Интернетом, где центральная роль принадлежит американской компании – интернет-корпорации по присвоению имен и адресов в Интернете (ICANN), созданной в 1998 г. (ее учредителем была администрация Клинтона). Правительства многих государств считают, что управление мировой компьютерной сетью должно осуществляться на международной основе, подобно тому как это имеет место применительно к мировой телефонной сети, регулируемой Международным союзом электросвязи (созданным в 1865 г. и ставшим впоследствии специализированным учреждением ООН). На Всемирной встрече по вопросам информационного сообщества, орга-

низованной по инициативе ООН (первый этап – в Женеве в 2003 г., второй – в ноябре 2005 г. в Тунисе), представители Бразилии и ЮАР активно критиковали сложившийся порядок; представитель КНР предложил создать новую международную организацию; представитель Франции выступил за межправительственный контроль, но осуществляемый группой избранных демократических государств. В ответе администрации США (в виде краткого заявления американского министерства торговли 30 июня 2005 г.) было сказано, что Соединенные Штаты не намерены ограничивать свой контроль над Интернетом, что обозреватель английского журнала «Экономист» К.Н. Кукьер назвал «своего рода доктриной Монро нашего времени»⁹².

Такие действия свидетельствуют о политике укрепления Соединенными Штатами своего суверенитета, в том числе и с выходом в ряде случаев за пределы международно-правового поля. Вместе с тем эта держава, как и ряд других ее западных союзников, продолжает предпринимать шаги, направленные на то, чтобы использовать процесс глобализации для ограничения реального суверенитета многих других государств⁹³.

Проповедники «десуверенизации» фактически игнорируют и реальную практику Китая, а тем более Индии. Эти два государства, добившиеся впечатляющих успехов в экономическом развитии, уверенно и активно отстаивают свой суверенитет в мировой политике. Действуют

они разными способами, присущими политической культуре каждой из стран. Обе они имеют особую историческую глубину развития цивилизации и богатые традиции государственности¹². При всей специфике политики Китая и Индия по отстаиванию своего реального суверенитета линия поведения обоих азиатских гигантов имеет немало общего. Это – развитие независимых вооруженных сил, включая силы и средства ядерного сдерживания, стремление создать собственную оборонную промышленность как компонент наукоемкой промышленности в целом, огромные усилия по развитию современной прикладной и фундаментальной науки. Оба государства не связывают себя с другими субъектами мировой политики союзническими обязательствами, которые ограничили бы их свободу действий¹³.

Достаточно ярко политика отстаивания реального суверенитета проявляется в жесткой позиции КНР по обеспечению своего суверенитета над Тайванем¹⁴. Не исключается и применение военной силы, которая является весьма важным элементом политико-психологического воздействия со стороны руководства КНР в дан-

---

¹² Россия полностью поддерживает суверенитет и территориальную целостность Китая, в том числе по таким важнейшим вопросам, как принадлежность к КНР Тайваню и Тибету. Со стороны КНР имеет место полная поддержка российского суверенитета и территориальной целостности, включая вопрос о Чечне. Это нашло свое отражение в официальных двусторонних документах, подписанных Президентом России В.В. Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао.

ном вопросе. Китайское руководство, добиваясь обеспечения реального суверенитета для КНР, шаг за шагом развивает свою оборонную промышленность таким образом, чтобы она могла производить военно-техническую продукцию всего спектра¹¹.

Аналогичным путем в целом движется и Индия. Одним из ярких свидетельств стремления большей части индийского политического класса обрести реальный суверенитет стало появление у Индии весной 1998 г. собственного ядерного оружия, а значит, и ее фактическое превращение в ракетно-ядерную державу. С высокой степенью вероятности можно предположить, что во втором десятилетии XXI в. Индия станет обладательницей средств доставки ядерного оружия межконтинентальной дальности. Можно с уверенностью говорить о том, что наряду с военно-стратегическими соображениями обретение ядерного оружия играло исключительно важную статусную роль, означало важный этап в продвижении Индии вверх в центральной иерархии современной системы мировой политики¹².

Далено не просто обстоит дело и с отказом от суверенитета в Европе, что показало голосование в ходе референдумов по конституции Европейского союза. В своем выступлении на конференции «60 лет Победы, создания ООН и международное право» председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин, говоря об объединительных процессах в Европе, под-

черкнул: «Отказ от евроконституции в крупнейших государствах Европы говорит о том, что народы этих государств против потери суверенитета».

Вместе с тем, по мнению председателя Конституционного суда, для России проблема суверенитета стоит остро. Он отметил: «До сих пор из уст отдельных региональных руководителей вновь звучат слова о необходимости строить федерацию на «раздельном суверенитете». И это несмотря на решение КС об исключении положений о суверенитете из конституций субъектов РФ».

В.Д. Зорькин считает, что самым масштабным сплоским из национальные суверенитеты и целостность государства положили события 11 сентября 2001 г. в США. Они стали, по его мнению, «пустым миллионное» пятно и в наступлении на конституционные права человека во многих государствах. «Такие наступления в виде беспрецедентно расширенных прав спецслужб привелись практически по всему миру – от США и Европы до Юго-Восточной Азии и Австралии», – отметил председатель Конституционного суда РФ. В то же время он считает, что само по себе прямые жесткие законы не могут служить конституционным основой для государства. И, видимо, подобные процессы являются явные адекватной реакцией на все более разрастающиеся проявления терроризма, организованной преступности, наркобизнеса

в межкомнатной мажорам. Тем не менее В. Зорькин убежден в необходимости поиска адекватного ответа на вопрос о том, «где та черта в определении прав человека, за которой наступают ограничения этих прав».

В рамках ЕС стремление защитить свой суверенитет особенно характерно для Франции с ее богатейшими традициями государства-нации, единым пониманием элитой и обществом национального интереса.

Пока в меньших масштабах и с более скромными результатами пытается обрести реальный суверенитет и крупнейшая страна Латинской Америки – Бразилия. С давних пор бразильская политическая и деловая элита рассматривала свою страну как ведущую в региональном масштабе и потенциально глобальную державу. В первом десятилетии XXI в. новое правительство президента Лула да Силвы предприняло дальнейшие шаги по отстаиванию регионального лидерства Бразилии и, в более широком аспекте, лидерства среди развивающихся стран. В политике нового руководства страны отчетливо обозначилось стремление позиционировать Бразилию как «противовес» богатым странам, в особенности США. Бразилия играла ведущую роль в создании Группы-22 (в настоящее время Группы-20), которая постоянно подвергает критике политику США и ЕС на переговорах по вопросам торговли и инвестиций во Всемирной торговой организации. В сентябре 2003 г. Бразилия предпринимала активные по-

пытни по укреплению Южноамериканского таможенного союза (МЕРКОСУР), одна из целей которого состоит в противодействии односторонним действиям США¹⁰.

Очевидное стремление к восстановлению своего реального суверенитета в последние годы демонстрирует и Япония. Как государство, не обладающее после поражения во Второй мировой войне реальным суверенитетом, она предпринимает все более серьезные попытки обрести его. Это выражается в действиях, ориентированных на отход от «политики самообороны», закрепленной в конституции Японии (статья 9). Среди них, в частности, направление японскими морскими силами в Индийский океан сначала кораблей-танкеров (2001 г.), а затем эсминец (2002 г.) для обеспечения боевых кораблей США и Великобритании. В марте 2003 г. Япония запустила два собственных военных разведспутника (прежде всего для наблюдения за Северной Кореей), продемонстрировав тем самым, что она более не полагается исключительно на соответствующие разведданные, получаемые от своего политико-военного патрона – США. В последние годы, впервые за всю послевоенную историю, в японской политической элите начали открыто говорить о приобретении страной собственного ядерного оружия. Продолжается рост военных расходов Японии, наметившийся еще в конце 1990-х гг., несмотря на относительно неблагоприятные общие экономические условия в стране.

С учетом исторического прошлого такого рода вектор в политике Японии не может не вызывать тревоги и озабоченности у целого ряда соседей этой страны⁶.

Обращает на себя внимание ухудшение не только японо-китайских политических отношений, но и отношений между Токио и Сеулом (применительно к последним многие западные и японские эксперты отмечают, что Южная Корея в последние полтора-два года заметно обмозгла многие свои позиции по проблемам международных отношений с КНР, «дрейфуя» в сторону от своих «особых отношений» младшего партнера с США).

Многие японские политологи, пресса все чаще отмечают (с негативным отношением) то, что КНР со своим населением 1,3–1,5 млрд. человек все больше ориентируется на всемирные приоритеты: японские СМИ стали использовать термины «китайская глобализация», «мирная китайизация»⁷.

Отмечая рост масштабов военных приготовлений Японии, нельзя не отметить, что на дан-

---

⁶ Япония, в отличие от Индии и Пакистана, способна оперативно стать не региональной, а глобальной ядерной державой, имея развитые технологии, достаточные для создания и развертывания сразу же не только ракет средней и промежуточной дальности, но и моноэнтальтных баллистических ракет, способных паранить цели одновременно на территории США, европейской части России, Индии и даже Западной Европы, не говоря уже о территории соседнего Китая.

ный момент со стороны Вашингтона были приняты довольно эффективные усилия для того, чтобы не только оставить Японию в орбите американского политико-военного влияния, но и усилить привязку японской военной машины к американской системе обеспечения национальных интересов США в Азиатско-Тихоокеанском регионе военными средствами.

Это касается, в частности, модернизации японских средств и потенциальную глобальную систему противоракетной обороны, политику создания которой предпринимает администрация Дж. Буша-мл.; Япония согласилась на баллистные в порту Йокосука (рядом с Токио) американского ударного авианосца с ядерной силовой установкой, который придет на смену выходящему из бывшего состава последнего неядерному авианосцу «Китти Хоук».

Штаб-квартиры первого армейского корпуса сухопутных войск США перемещается из штата Вирджиния (на западном побережье США) в префектуру Каматама в Японии на базу ВВС. В Японии создается много-американский совместный центр по координации военных операций¹⁷.

До недавних пор статус оперативной и политической совместности японских «сил самообороны» и окружающих сил США определялся значительно ниже, чем у США и их европейских союзников по НАТО. Однако в ближайшее время, как договорятся политические и военные руководители США и Японии, эта проблема будет решена¹⁸.

В современной мирополитической системе есть яркие примеры того, как даже сравнительно небольшие государства умело и эффективно борются за свой реальный суверенитет. Среди таких стран не последнее место занимает, в частности, Швейцария. Она сумела отстоять свою независимую банновскую систему и швейцарский франк как авторитетную валюту, хотя весьма серьезные попытки подорвать их предпринимались в конце 1990-х гг. группой западных банков, поддерживаемых соответствующими политическими кругами. Нет сомнений в том, что обеспеченность реального суверенитета Швейцарии в немалой степени способствует ее система обороны, самостоятельные вооруженные силы с ярко выраженной национальной спецификой и с высоким уровнем технической оснащенности, а также подготовленные военные кадры.

Весьма своеобразны методы обеспечения суверенитета, применяемые странами, входящими в ОПЕК. Эта организация была создана в 1960 г. В нее вошли 11 стран: Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Кувейт, Катар, ОАЭ, Ливия, Алжир, Нигерия, Индонезия и Венесуэла⁴. Главной причиной ее возникновения считают стремление данных нефтедобывающих стран обеспечить свои интересы перед лицом международного картеля западных частных нефтяных ком-

---

⁴ Индонезия в 2005 г. превратилась в нетто-импортера нефти, что ставит под вопрос ее пребывание в составе ОПЕК.

паний, традиционно имевших большое влияние на внешнюю политику своих государств. (Арабские страны – главы ОПЕК входят также в ОАПЕК²⁰.) Наиболее крупными запасами углеводородов среди членов ОПЕК обладает Саудовская Аравия²¹.

Арабские страны – нетто-экспортеры нефти в 1973–1974 гг. во время обострения Ближневосточного кризиса применили «нефтяное оружие» против США и их союзников, вызвав многократное и практически одномоментное повышение цен на сырую нефть на мировых рынках.

На долю стран ОПЕК приходится, по ряду оценок, около 77% мировых разведанных запасов нефти. К тому же на их территории имеется около 40% доназанных мировых запасов природного газа. В последние годы доля стран ОПЕК в производстве сжиженного природного газа возрастает. Следует отметить, что доминирующую роль в их нефтегазовом комплексе играют национальные (принадлежащие государству) компании²².

В 1980–1990-х гг. влияние стран ОПЕК на формирование тенденций развития мирового рынка энергоносителей (прежде всего на уровень нефтяных цен) было относительно небольшим, особенно в сравнении с 1973–1974 гг. Многие западные специалисты и аналитики стали говорить, что эта организация изжила себя, а периоду роста значения национальных нефтяных компаний пришел конец – особенно с учетом быстрой приватизации газового комплекса

в России и других бывших республиках Советского Союза. Однако в конце 1990-х гг. роль ОПЕК в формировании мировой цены на нефть вновь значительно повысилась. Это произошло как за счет общей экономической конъюнктуры, так и в результате целенаправленной политики руководителей ряда стран – членов ОПЕК. Последние в процессе сложных дипломатических переговоров (прежде всего между Саудовской Аравией и Ираном, ОАЭ и Венесуэлой) добивались более высокого уровня взаимопонимания и взаимодействия; особую роль здесь сыграли президент Венесуэлы Уго Чавес и занимавший на протяжении ряда лет пост генерального секретаря ОПЕК венесуэльский деятель Али Родригес.

В последние годы страны ОПЕК (особенно Саудовская Аравия) подвергаются сильнейшему нажиму со стороны частных транснациональных компаний и государственных органов тех стран, которые имеют общие с этими ТНК интересы²⁰. Цель давления – обеспечить доступ к ресурсам участников ОПЕК ради увеличения добычи нефти в условиях резко возросшего спроса на нее. Отстаивая свой суверенитет, страны ОПЕК в большинстве случаев успешно сопротивляются такому нажиму, в силу чего сфера деятельности западных ТНК в международной энергетической сфере, по ряду заслуживающих внимания оценок, за последние 10–12 лет по крайней мере не расширялась.

У России и стран ОПЕК есть общие интересы в мировой экономике – поддержание того, что называется справедливой ценой на нефть (соответственно справедливая цена устанавливается и на природный газ; в конкретных регионах цена на природный газ следует за ценой на нефть)¹⁰⁴. Очевидно, что основные нетто-экспортеры нефти заинтересованы в том, чтобы цена не падала ниже определенного уровня (в силу специфики условий добычи и дальности маршрутов транспортировки нефти эта проблема более остро стоит для России и других стран СНГ, чем для стран Персидского залива или Венесуэлы)¹⁰⁵.

Но при этом есть заинтересованность в том, чтобы уровень мировых цен на нефть не превышал на достаточно длительный промежуток времени определенного порога, достижение которого вело бы к снижению темпов экономического роста в основных странах – нетто-импортерах нефти и природного газа¹⁰⁶.

Россия, координируя свои усилия со странами ОПЕК, Казахстаном, Азербайджаном, Туркменией, Узбекистаном, Мексикой, Норвегией и рядом других государств – нетто-экспортеров углеводородов, вполне могла бы обеспечивать на долгосрочной, устойчивой основе справедливую цену на энергоносители.

Для России обеспечение достаточно высокой цены на углеводороды на длительную перспективу будет оставаться одним из важнейших вопросов не только экономического развития, но и обеспечения национальной безопасности.

в том числе обороноспособности, внутривла-
стной стабильности¹⁷. В силу этого россий-
ская политика по обеспечению справедливой
цены на нефть должна носить активный, целе-
направленный характер с использованием всех
основных инструментов национальной мощи¹⁸.
Потребность в такой политике далеко не в пол-
ной мере пока осознается российским «полити-
ческим классом» и бизнесом.

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА

ПОНЯТИЕ СУВЕРЕНИТЕТ, само это явление, вхождение суверенитета в практику международно-правовых отношений и в реальную мировую политику – все это имеет давнюю историю.

В «Современном политологическом словаре» отмечается, что «развитие термина «суверенитет» совпадает с возникновением современного территориального государства (1250–1350) одновременно с концентрацией власти в руках суверена, который обладает монополной силой»¹⁸.

Понятие суверенитет длительное время было непосредственно связано с понятием суверен-властитель, которое в прошлом активно использовалось мыслителями для определения государства. В XIX в. считалось, что «над данной властью, которой принадлежит суверенитет, не должно стоять никакой другой власти, имеющей

правомерное полномочие давать ей повеления или препятствовать осуществлению ее воли»²¹. В советской традиции было принято отмечать, что суверенитет реализуется прежде всего «в порядке осуществления государством его функций; при этом наиболее непосредственно он проявляется в системе прав государства, в том числе суверенных прав»²². Особенностью суверенитета определялось верховенство государственной власти, ее доминирующее положение над любыми иными властными отношениями (например, семейными, внутри коллектива и пр.).

Под субъектом, обладающим суверенитетом, в наиболее общем смысле часто понимается прежде всего высшая власть, стоящая на вершине властной иерархии. При этом суверенитету отводится определенная роль: он «оформляет юридическую рационализацию политической власти, которая стремится трансформировать подлинную силу в законную власть, политическую власть – в правовую»²³.

Среди мыслителей разных народов и разных исторических периодов, которые внесли весомый вклад в формирование современной концепции суверенитета, можно отметить Жана Бодена, Никколо Макнавелли, Мартина Лютера, Томаса Гоббса, Жан Жана Руссо.

Философ нового времени Жан Боден уделил вопросу о суверенитете особое внимание в работе «De La Republique» (1576). Этот труд появился в период религиозных войн, когда во Франции велась ожесточенная борьба между

протестантами, гугенотами и католиками⁶⁴. Возглавлявшая враждующие стороны феодальная знать стремилась ограничить королевскую власть. Размышляя о суверенитете государя, Боден, как и многие другие мыслители того времени, понимал, что конфликт между правителями и управляемыми необходимо ограничить. Проблема, по его мнению, могла быть разрешена лишь при помощи «неограниченной правящей силы», при этом такой, чтобы она не была «пождественна абсолютизму и была бы свободна от права и государственного воздействия»⁶⁵.

Положение о суверенитете народа является одним из центральных элементов политической теории Руссо, который считал, что суверенитетом может быть наделено только «коллективное существо». По его словам, суверенитет – это «только осуществление общей воли»⁶⁶. Руссо пишет: «Суверен, который есть не что иное, как коллективное существо, может быть представлен только самим собою. Передаваться может власть, но никак не воля»⁶⁷. Так Руссо обосновывал тезис о неотчуждаемости суверенитета. Другим принципиальным тезисом являлся его тезис о неделимости суверенитета: «В силу той же причины, по которой суверенитет неотчуждаем, он неделим, либо воля является общею⁶⁸, либо ею не является; она являет собою волю наро-

⁶⁴ Здесь Руссо делает подстрочное замечание: «Для того чтобы воля была общею, не всегда необходимо, чтобы она была единодушною; но необходимо, чтобы были подчинены все голоса; любой изъян нарушает общий характер воли».

да как целого, либо – только одной его части. В первом случае эта провозглашенная воля есть акт суверенитета и создает закон⁶⁷. Много внимания Руссо уделил вопросу «о границе верховной власти суверена». Он пишет, что «все то, чем гражданин может служить Государству, он должен сделать тотчас же, как только суверен этого потребует, но суверен со своей стороны не может налагать на подданных узы, бесполезные для общины⁶⁸». Эти тезисы Руссо можно считать наиболее важными для современного понимания суверенитета.

У суверенитета имеется два измерения – внутреннее и внешнее. И. Валлерстайн справедливо отмечает, что суверенитет, как его определяют начиная с XVI в., – это требование, порождаемое не столько самим государством, сколько межгосударственной системой. Развивая далее этот тезис, он пишет, что «в рамках своих границ (которые, однако, должны быть четко определены и легитимизированы на уровне межгосударственной системы) государство имеет право проводить любую политику, которую полагает разумной, принимать любые законы, которые считает необходимыми, и при этом никто – ни отдельные индивиды, ни группы, ни внутригосударственные структуры – не вправе отказаться от их исполнения». При этом суверенитет в международной сфере, по его оценке, «предполагает, что никакое иное государство не имеет права претендовать – ни прямо, ни опосредованно – на полномочия данного государ-

ства, осуществляемые им в пределах собственных границ, посылку такая попытка означала бы покушение на его суверенитет. Разумеется, и прежние государственные образования стремились к обретению всей полноты власти в своих пределах, но «суверенитет» предполагает еще и признание правомочности таких требований каждого из входящих в монархическую систему государств со стороны остальных». На основе этого Валлерстайн делает обоснованное заключение о том, что «суверенитет в современном мире предполагает взаимность»²⁰. «Современный политологический словарь» указывает, что «в Средневековье прилагательное «суверенный» просто и более общо используется для определения положения превосходства внутри любой иерархической системы». С созданием же государства в том виде, который оно имеет и сейчас, «суверен берет на себя все более специфические политические задачи, среди которых выделяется задача гарантирования как мира между подданными королевства, так и объединения не только для обороны, но и для наступления против внешнего врага»²¹.

По крайней мере с XVIII в. суверенитет обладателя государственной власти связывался прежде всего с обязанностью поддерживать гражданский мир в стране и с правом вести войны вне ее: «Если внутри политической системы основная цель суверенитета заключается в запрещении частных войн и в мирном урегулировании противоречий между подданными, то

во внешнем аспекте суверен ответствен за военные действия с другими государствами. Суверен, таким образом, становится также тем, кто решает, кому быть врагом и кому быть другом (развязывая, следовательно, узел войны или мира)¹¹. Названные обязанности и права актуальны и в условиях XXI в.; особенно важны последние из них, если учитывать новый цикл возрастания роли военного фактора в системе мировой политики. Для реализации этих суверенных прав государствам, естественно, необходимо иметь вооруженные силы и обладать правом их независимого применения¹².

Триумфом идеи государственного суверенитета в области международных отношений, оформленного на договорно-правовой основе, можно считать Вестфальский мир 1648 г., которым завершилась Тридцатилетняя война – одна из наиболее опустошительных войн в европейской истории. Его предтечей, если говорить о формировании современной концепции суверенитета государства, явился подтвержденный Вестфальским миром Аугсбургский договор 1555 г. О нем в наше время даже историки вспоминают редко. А между тем он в духе идей Реформации, начатой Мартином Лютером, сделал власть германских князей независимой, и прежде всего – от католической церкви.

¹¹ В современной Германии, например, вооруженные силы практически полностью интегрированы в систему НАТО, что, разумеется, весьма серьезно ограничивает реальный суверенитет ФРГ.

Одним из основных трудов Локера был его трактат с весьма примечательным названием – «Христианскому дворянству германской империи». В нем Локер резко выступил против господства «истинной» католической церкви, ипостаси престола и величия германских учреждений. Он писал, что эти учреждения сами «средством и продают... в Риме мужелазцам», которые ничего не делают помимо их измерения земель. Локер обвинял «истиннохристианскую римскую» во всяком роде зла, подчеркнул, что в результате «несчастный народ немецкой империи страдает и гибнет от недостатка добрых просвещенных пастырей». В силу этого «христианское дворянство должно настоять против Папы как против общего врага и разрушителя христианства»²⁷. Реформатор также писал, что «мы немцы гордимся по-немецки научились мы измерять славу господина, а вместо этого сделались рабами дикого и жестокое сердце; у нас имя, титул и герб императорства, которое охраняло, властью, правом и свободой наш Папа»²⁸. Страстные призывы Локера были услышаны германским дворянством, и прежде всего германскому империи.

По Вестфальскому миру 1648 г. германские князья-суверены получили полные и неотчуждаемые права над контролируемой ими территориями, независимость как от светской имперской, так окончательно и от церковной власти. В результате этого мира суверенными государ-

ствами в Германии, практически свободными от власти императора, стали около 300 различных субъектов международных отношений (эти субъекты получили право заключать союзы и между собой, и между иностранными державами, лишь бы такие союзы не были направлены против императора и империи). Это более чем на 200 лет закрепило раздробленность Германии. Вестфальский мир (наряду с Пиренейским мирным договором Франции с Испанией 1659 г.) – с его принципами полного суверенитета – явно послужил становлению Франции как доминирующей силы в Западной Европе¹⁴. Закрепленный в такой форме суверенитет оказался эффективным инструментом прежде всего для французской политики¹⁵.

Определив границы государств Европы, Вестфальский мир стал исходным пунктом для всех последующих международных трактатов и договоров вплоть до Французской революции конца XVIII в. А нормы права, заложенные в этих двух документах, актуальны и в наше время.

В конце XIX – начале XX в. в международном праве суверенитет трактовался как «абсолютное право государства решать все внутренние вопросы, независимо от воли других, и вступать с другими государствами во всевозможные соглашения». При этом отмечалось, что «международное общение возможно только при взаимном признании государственного суверенитета»¹⁶.

В тот же период времени получила распространение теория «несуверенных государств»,

которая прилагалась, например, к Болгарии. Она считалась тогда вассальным государством во главе с монархом, не являющимся сувереном. Такого рода монархи получали свои полномочия после утверждения их правительствами других государств, имели по отношению к этим правительствам и государствам ряд обязательств, которые принимались не добровольно, не в силу соглашения. Поскольку во внутренних делах они все-таки обладали полнотой власти, ряд авторов именовали их полусуверенными монархами¹⁷.

К 1970-м гг. трактовка суверенитета в международном измерении, подобная той, что имела место в конце XIX – начале XX в., установилась и в советской традиции: «Суверенитет государства делает его независимым в международных отношениях, где оно выступает как самостоятельный субъект международного права»¹⁸.

С таким пониманием суверенитета перекликается его трактовка в новейших изданиях, например, в «Новой философской энциклопедии» – авторитетном труде, изданном в 2003 г. коллективом под руководством академика В.С. Степина. В энциклопедии отмечается, что «государственный суверенитет предполагает полную независимость во внутренних и внешних сношениях, т. е. над властью государства, признаваемой суверенной (вышей, – А. К.), не стоит никакая иная власть, способная подчинить его себе или воспрепятствовать ему в проявлении его воли; в между-

народной сфере суверенитет государства выражается в его праве самостоятельно, независимо от других государств, решать свои внутренние вопросы и вступать в международные соглашения¹⁹.

Сейчас, в отличие от прошлого, суверенитет не рассматривается как неограниченный и абсолютный: он находится в определенных отношениях с основополагающими, общепризнанными принципами международного и конституционного права²⁰.

В сфере внутренних отношений суверенитет не должен вступать в противоречие с конституционно закрепленными гражданскими и политическими правами человека, которые были достигнуты с развитием международного права. При этом реальное обеспечение прав человека, как отмечал министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, «категорически несовместимо с двойными стандартами»²¹. А они, к сожалению, присутствуют в политике многих западных государств.

Конституция Российской Федерации называет человека, его права и свободы высшей ценностью, и, следовательно, все конституционные принципы должны соотноситься с этим. Положения Конституции РФ, гласящие, что права и свободы человека являются для современной России высшей ценностью, нашли отражение во многих официальных документах, в выступлениях высшего государственного руководства РФ. В частности, они весьма рельефно обозна-

чены в Послании Президента России Федеральному Собранию РФ 2005 г.

Во внешних отношениях, как уже говорилось, суверенитет России ограничен рядом общепризнанных принципов международного права, среди них – запрет на развязывание войны, обязательства, взятые на себя государством как членом организаций международных (например, Организации Объединенных Наций) или региональных (Совета Европы и др.). Согласно ст. 79 Конституции РФ, Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя РФ.

Система добровольных обязательств государства в соответствии с нормами международного права ограничивает его свободу действий, снижает степень независимости от внешней среды в решении внутренних проблем. Поэтому вполне обоснованной является точка зрения известного отечественного политолога П.А. Цыганкова, согласно которой «понятие суверенитета сегодня имеет смысл только в диалектическом взаимоотношении со взаимозависимостью»⁶². Бесспорно правильно замечание о том, что «сохранять суверенитет означает умение преследовать свои собственные цели, несмотря на давление взаимозависимости или используя его»⁶³. В связи с этим обеспечение суверенитета

в современных условиях требует осознанной, глубоко продуманной внутренней и внешней политики страны, опирающейся как на развитое понимание национального интереса, так и на реалистическое представление о современной «международной среде», в которой приходится действовать государству. Исходить следует из того, что сегодня масштабы деятельности государства (особенно в социальной и экономической сферах), вопреки мнению сторонников де-суверенизации, многократно возросли по сравнению с предыдущими историческими периодами (что является весьма важным аргументом против теорий «де-суверенизации»).

Известный российский политолог М.А. Хрусталев пишет, что «государство обладает традиционным правом собственности на определенную территорию и проживающее на ней население (граждан)»²⁸. В последние десятилетия, как отмечает этот автор, «право собственности на территорию (территориальный суверенитет) распространилось на значительное водное и воздушное пространство». При этом «особое значение в современном мире, – пишет он, – имеет вытекающее из территориального суверенитета право собственности на природные ресурсы», и оно «уже привело к появлению государства-рантье, где сформировалось своеобразное “потребительское общество”»²⁹.

Государственный суверенитет сохраняет свою силу и в отношении тех, кто является гражданами данного государства. По правильному

замечанию М.А. Хрусталева, «если сфера территориального суверенитета непрерывно расширялась, то по-иному эволюционировала проблема гражданства... Ранее отдельный человек был в сущности «рабом» государства (подданным)... власть государства над каждой отдельной личностью была близка к абсолютной». Но, продолжает он, замена подданства гражданством означала кардинальное изменение положения. Перестав быть «рабом», человек тем не менее остался подвластным: на него распространяются налоговые обязательства, воинская повинность, подсудность и т. п. В этих условиях, пишет Хрусталев, «право личности на смену гражданства мало что меняет, ибо означает замену одного властвующего субъекта на другого». И он заключает: «человек же, не имеющий гражданства, есть политическое, а зачастую и социальное ничто»⁹⁰.

Очевидно, что подавляющее большинство де-юре суверенных государств в современном мире из-за своих размеров, экономической, политической, военной зависимости от других субъектов международных отношений обладают суверенитетом сугубо формально. При этом они могут передать часть своих суверенных прав либо другому государству (их «протектору»), либо наднациональному образованию – как добровольно, так и в принудительном порядке.

Многие из этих государств, обладая полным набором признаков формального суверенитета, входят в категорию несостоявшихся государств

(failed states), неспособных на своей территории, над которой они призваны осуществлять суверенитет, обеспечить экономический рост, политическую стабильность, соблюдение норм права, решение острых социальных проблем, политическое управление со стороны центральной власти. Как отмечает Е.М. Приманов, существование «несостоявшихся государств» (где власти не способны предотвратить гуманитарные катастрофы, геноцид, массовый исход беженцев) является одной из крупнейших проблем современной международной безопасности¹⁰.

Эти вопросы весьма актуальны и для интересов национальной безопасности России. Раздробление на суверенные государства огромной многоэтнической страны (с применением принципа «права наций на самоопределение»), умножение числа только де-юре суверенных государств рассматриваются многими американскими и западноевропейскими политиками как важнейший способ не допустить превращения России в мощную современную державу, способную быть экономическим соперником США и ЕС, противостоять их международно-политическим амбициям.

В то же время со стороны США и ряда других западных государств наблюдается стремление ограничить возможность для национального самоопределения меньшинств в тех странах на территории бывшего СССР, где США и их сторонники стремятся установить свои доминирующие позиции.

Несоответствие между неограниченным де-юре и ограниченным де-факто суверенитетом негативно влияет на национальную психологию многих народов и их политических элит, нередко вызывает весьма сложные социальные и политические коллизии, чреватые острыми конфликтными и кризисными ситуациями как внутри государств, так и в определенном сегменте системы мировой политики.

ФОРМУЛА РЕАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

РЕАЛЬНЫМ СУВЕРЕНИТЕТОМ* обладает сравнительно небольшое число стран, и это не только современный феномен. Так было практически на протяжении всей мировой истории. Реальный суверенитет означает способность государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать договоры, вступать или не вступать в отношения стратегического партнерства и т. п.

Реальный суверенитет предполагает национальный контроль над аэродромной сетью и управлением воздушным движением, над нефте- и газопроводами и соответствующими термина-

---

* Автор ввел в оборот понятие «реальный суверенитет» в 1990 г. в серии выступлений и публикаций. В последующем это понятие наполнилось все более конкретным содержанием.

лами, железнодорожной сетью, федеральными автотрассами, над рядом отраслей гражданской наукоемкой промышленности, тесно связанных с оборонно-промышленным сектором, независимость важнейших каналов эфирного телевидения от иностранного капитала. Одним из важных факторов обеспечения реального суверенитета является развитие в стране фундаментальной науки, финансирование которой должно взять на себя прежде всего государство. Серьезное значение имеет способность «политического класса», бизнес-элиты и интеллектуальной элиты к самостоятельному стратегическому мышлению в области безопасности, в том числе в области оборонной политики, экономики и социального развития, к мышлению, опирающемуся на обширную общественно-научную базу как теоретического, так и прикладного характера, на чувство просвещенного патриотизма.

Нация и индивидуумы подлинно суверенного демократического государства имеют особое мироощущение, испытывают особую гордость за свою страну.

В современных условиях конкурентоспособность нации и ее реальный суверенитет обеспечивают стратегические отрасли, поэтому крайне важной является их прямая государственная поддержка. Одним из примеров подобной политики может быть политика дегаллерской Франции, которая в условиях активного сопротивления англосаксонских государств позволила этой стране отстаивать свое право иметь широкий

спектр национальной наукоемкой промышленной – атомной, авиационной, ракетно-космической, электронной и др.

Отсутствие собственной возможности разрабатывать ряд видов вооружений, которую Германия и Япония утратили в результате поражения во Второй мировой войне, является одной из характеристик де-факто неполной суверенности этих государств в мирополитической системе. По окончании войны они потеряли не только свой суверенитет, но и субъектность, затем де-юре их суверенитет был восстановлен, однако достижение реального суверенитета этими государствами остается проблемой*.

Обретение способности производить вооружения – дело длительное, многотрудное, чреватое многими неудачами. Так, Индия, несмотря на многолетние усилия и огромные затраченные средства (и большие достижения во многих областях науки и техники), не смогла освоить производство не только современного истребителя собственной разработки, но и танка «Арджуна». В результате в 2003–2005 гг. были приняты решения о продолжении закупок у России истребителей и танков.

Российская Федерация в середине первого десятилетия XXI в. оказалась на грани утраты многих важных компонентов производства со-

---

* Известный французский политолог Р. Арон в ряде своих работ справедливо писал о том, что после Второй мировой войны некоторые европейские государства, числящиеся даже и среди победителей, также утратили свою субъектность в мирополитической системе, хотя де-юре и сохранили суверенитет.

временных систем вооружений, имевшихся у Советского Союза, поэтому крайне острой является задача воссоздания такого производства на новой научно-технической основе. Однако, несмотря на все положительные тенденции нескольких последних лет, в России до сих пор отсутствует национальная научно-промышленная политика¹⁰. Без такой политики стране грозит утрата реального суверенитета, трансформация де-факто из активного субъекта мировой политики во все большей мере в ее объект.

Реальный суверенитет предполагает и наличие собственной, устойчивой к внешним воздействиям банковской системы, контролируемой государством и национальным капиталом. Огромное значение в современных условиях имеет наличие у государства сильной финансовой системы с невысокой степенью зависимости от внешних займствований.

Главный редактор журнала «Эксперт» В.А. Фадеев обоснованно отмечает, что «российская финансовая система чрезвычайно слаба», что «она по своей структуре не соответствует даже нынешним потребностям». По его оценке, «она в четыре-пять раз меньше, чем необходимо для того, чтобы обеспечить нормальное функционирование хозяйства»¹¹.

Реальный суверенитет России существенно уменьшился к концу 90-х гг. в силу значительного, как уже говорилось, возрастания внеш-

ней задолженности как в абсолютном выражении, так и по отношению к ВВП. Запад продемонстрировал явную «сдержанность» в решении вопроса о реструктуризации долгов на выгодных для России условиях, а тем более в вопросе о «прощении» России долгов Советского Союза (как это Запад сделал, например, в отношении Польши¹⁴).

Сокращение этой задолженности за последние два-три года можно считать немаловажным достижением администрации В.В. Путина, мерой, способствующей укреплению реального суверенитета России.

Разумное обеспечение реального суверенитета отнюдь не означает автаркии в экономике (например, отказа от вступления в ВТО), изоляции в культурном и духовном отношении от остального мира, которые всегда были контрпродуктивны¹⁵, а в современных условиях – тем более. Наоборот, политика разумного обеспечения

---

¹⁴ По оценкам ряда экспертов, в результате проведенных по инициативе западных рекомендаций реформ польского банковского сектора последней в середине первого десятилетия оказался привлеченной валютой в два раза меньшего количества. Возвращение долга Польше (полностью интегрированной в НАТО) международными банками по сравнению с периодом ее членства в ОВД не обременяла промышленность, правительство перестало быть экономическим и политическим фактором. Это не могло не сказаться на положении в макроэкономической системе (его ограничительно «духотное» европейского государства с точки зрения обеспечения реального суверенитета).

¹⁵ Экстремальным вариантом обеспечения суверенитета в авторитарном обществе можно считать политику Корейской Народно-Демократической Республики, руководство которой стремилось в максимальной мере обеспечить свою независи-

суверенитета способствует наиболее оптимальной интеграции страны в мировую экономику.

«Наша главная задача останется прежней: она заключается в том, чтобы обеспечить высокие темпы роста российской экономики», – заявил Президент России В.В. Путин, подводя итоги развернувшейся на 9-м Петербургском экономическом форуме 14 июля 2005 г. дискуссии о преимуществе либерального или, наоборот, государственного пути развития экономики. Отметим, что «это (достигнутые высокие темпы роста. – А. К.) невозможно сделать без интеграции России в мировое хозяйство и мировую экономику в условиях свободной торговли». Президент подчеркнул, что «это возможно при соблюдении одного принципиального условия: при сохранении и обеспечении суверенитета нашего государства» (выделено мной. – А. К.).

В то же время вопрос о вступлении России в ВТО не должен быть вопросом идеологическим, его нужно решать на сугубо прагматической основе, с учетом интересов долгосрочного развития страны, обеспечения национальной конкурентоспособности России. При вступлении России в ВТО должны быть тщательно просчитаны

мость от внешнего мира и ущерб практически всем сегментам своего внутреннего экономического и социального развития. При этом КНДР остается зависимой от внешней продовольственной помощи, от закупок целого ряда жизненно важных товаров, от поставок энергоресурсов и т. п.

все последствия членства в этой организации с точки зрения возможности сохранения и развития отечественного машиностроения, приборостроения, особенно их наукоемной части.

Наличие реального суверенитета позволяет добиваться более выгодных условий для внешней торговли, для привлечения иностранных инвестиций, для обеспечения в необходимых пределах на наиболее приемлемых условиях внешних заимствований на мировых финансовых рынках и пр.

КОНТУРЫ РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

ИТАК, СОВРЕМЕННАЯ мирополитическая система и мировая экономика характеризуются борьбой двух тенденций. С одной стороны, это тенденция «десуверенизации», а с другой – мощная тенденция укрепления реального суверенитета рядом государств; последние при этом добиваются крупных успехов в своем экономическом, культурном и социальном развитии. В этих условиях Россия ищет свое достойное место в системе мировой политики.

Наша страна своими достижениями в области культуры, науки, образования, развития техники доказала, что она была и будет одним из системообразующих факторов мировой цивилизации⁹⁰. У России, с ее тысячелетней традицией государственности, выдающимися по всем историческим меркам достижениями в отстаивании на-

циональной независимости и территориальной целостности, более чем достаточно предпосылок для обеспечения своего реального суверенитета. Нельзя забывать и о восприятии российскими гражданами своей страны как влиятельного, авторитетного субъекта мировой политики.

Признание необходимости обеспечения реального суверенитета нашей страны, глубокое и устойчивое понимание российских национальных интересов и придание реальному суверенитету операционного значения должны стать одними из важнейших элементов самосознания россиян, и прежде всего отечественного «политического класса» и российских деловых кругов. Реальный суверенитет ценен сам по себе и как важнейшее условие достижения национальной конкурентоспособности во все более жестких условиях глобализирующейся экономики.

В последние годы страна сделала ряд важных шагов в обеспечении своего реального суверенитета. Восстановлен суверенитет России в Чеченской Республике, и пресечены сепаратистские действия в других регионах России. Приведено в соответствие с Конституцией России законодательство ряда субъектов Федерации, где имело место их расхождение с Основным законом России. Как уже отмечалось выше, была сокращена внешняя задолженность России, которая еще несколько лет назад висела тягким грузом на всей стране. Удалось обеспечить разновекторность российской внешней политики, налаживание взаимовыгодного сотрудничества с ведущими го-

сударствами мира, в том числе сотрудничества с КНР и Индией. Приняты немаловажные меры по укреплению обороноспособности страны, в том числе ядерного сдерживания, по развитию космической составляющей системы обороны государства, по восстановлению боевой подготовки в силах общего назначения. Эти шаги с пониманием и одобрением встречены большей частью нашего общества, нашими друзьями за рубежом, в том числе в ближнем зарубежье. Однако в укреплении реального суверенитета Россия столкнулась во внешнем мире с активным противодействием сил, не заинтересованных в том, чтобы она выступала на мировой арене как самостоятельный «центр силы». Как дельно отмечает А.Д. Богатуров, «сколько бы ни подчеркивались общие и параллельные интересы Москвы и Вашингтона, США принципиально заинтересованы в "геополитическом разукрупнении" России»²⁰.

Успехи прошедшего периода по обеспечению реального суверенитета России дали свои плоды, но во многом исчерпали себя. Нужны новые крупные шаги в этом направлении, закрепление и развитие достигнутых результатов, исправление сделанных на этом пути ошибок. Обеспечение достойного места в мире для нашей страны, приобретение статуса современной великой державы невозможны без создания демократической политической системы в ее классическом понимании – со всеми атрибутами, включая сильные и авторитетные политические партии.

В Послании Федеральному Собранию РФ 2005 г. Президент России В.В. Путин, анализируя пройденный путь становления демократии в России, говорит о необходимости сохранить собственные ценности, не растерять безусловные достижения и подтвердить жизнеспособность российской демократии. Он подчеркнул, что мы «должны были пойти собственную дорогу к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства»¹⁰.

Поддержанье реального суверенитета и развитие суверенной демократии¹¹ требуют развитого и глубокого чувства просвещенного патриотизма и национального самоуважения россиян. Наличие этих ценных качеств лишь раз было продемонстрировано российскими гражданами, включая молодежь, в период празднования 60-летия нашей Победы в Великой Отечественной войне.

Суверенная демократия для нас должна быть не предметом веры, а формой правления, обеспечивающей более высокую степень эффективности управления и саморегулирования в обществе и государстве. Демократическая традиция есть не нечто привнесенное в Россию откуда-либо, а выстраданная нашим народом ценность, которая воспринимается наравне с такими ценностями, как свобода и справедливость.

Нельзя не отметить, что рациональные и реалистические представления о демократии как о системе управления, обеспечивающей более

высокую степень эффективности, в российском обществе носят недостаточно глубокий характер. Очевидно, что особенно в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. на демократию как идеологию возлагались преувеличенные надежды, ее атрибуты идеализировались. Происходило это, безусловно, под значительным внешним воздействием разного толка²⁴.

В текущем десятилетии обозначилась другая проблема: значительной частью общества «демократическая идеология» стала восприниматься с отрицательным знаком. При этом опять же противопоставление «демократия – недемократия» в общественном сознании происходит не столько на основе критериев эффективности, сколько с доминированием эмоционального начала²⁵.

Одна из важнейших задач демократической политической системы состоит в том, чтобы обеспечивать устойчивую обратную связь при прохождении управляющего воздействия – как сверху вниз по иерархии государственного и политического управления, так и снизу вверх: импульсы, управляющие функционированием и развитием системы, могут идти в обоих направлениях. Слабость, а во многом и практическое отсутствие такого рода обратных связей были среди важнейших факторов, обусловивших деградацию значительной части советской экономики и социальной сферы в 1970–1980-х гг.

Наличие суверенной демократии в России (равно как и во многих других странах) является одним из важнейших условий существования

демократии в международных и в межгосударственных отношениях. Реальный суверенитет и суверенная демократия – два столпа политического и экономического развития России, обеспечения достойного места для нашей страны в международном сообществе.

Отечественное предпринимательство должно быть прежде всего национальным, действующим в партнерстве с государством; именно это обеспечит его внутреннюю и внешнюю конкурентоспособность перед лицом грозных внешних соперников (для многих из которых заветной целью является маргинализация российского предпринимательства). Нет никакого противоречия между желанием работать в условиях современной рыночной высокоэффективной экономики и чувством патриотизма. К примеру, многие американские бизнесмены являются яркими патриотами, что они подчеркивают, непременно вывешивая на своих предприятиях и в офисах символ американской государственности – национальный флаг.

Одной из наиболее насущных национальных задач России является преодоление масштабной зависимости российской экономики от экспорта сырья, которая выгодна только ряду экономических центров силы в мире²⁰.

Необходима активная государственная поддержка проектов по развитию отечественной высокотехнологичной промышленности, основанных на глубоком и многоплановом партнерстве государства и бизнеса. Частный капитал са-

местоятельно еще очень нескоро придет в эти сферы в должных объемах; к тому времени, когда он решится на это, подавляющая часть нашего научно-технического потенциала, созданного тяжелейшим трудом нескольких поколений, может быть утрачена, и во многом безвозвратно.

Соответственно необходимо расширение государственных вложений не только в инфраструктуру (что является классической задачей для государства), но и в наукоемкие и капиталоемкие отрасли промышленности на основе долгосрочных сценарных прогнозов развития мировой, региональной и национальной экономики и конкретных долгосрочных программ действий¹⁰.

Необходима вовлеченность государства в целенаправленное формирование экономики, основанной на научных знаниях. Такое участие власти в экономических процессах, партнерство государства и бизнеса – необходимое условие для развития «новой экономики» XXI века.

Партнерство государства и бизнеса обеспечит появление новых рабочих мест в соответствующих секторах промышленности, сферы услуг и инфраструктуры. В свою очередь это поможет сократить или даже преодолеть сложившийся в России в 1990-х гг. огромный разрыв между бедными и богатыми. А этот разрыв может превратиться в проблему нашей национальной безопасности. Без его сокращения ни о какой устойчивости результатов не может быть и речи, сколь бы ни были красивы макроэкономические показатели. В том числе для этого должны

быть использованы позиции России как растущей «энергетической сверхдержавы», в поставках энергоносителей из которой кровно заинтересованы все основные «центры силы» мировой экономики – США, ЕС, Япония, Китай, Индия. Нельзя не отметить, что у российского топливно-энергетического комплекса имеются серьезные собственные проблемы, которые нуждаются в планомерном разрешении ради превращения России в ведущую силу в этой области¹⁰. Среди них нельзя не отметить особо важные экологические проблемы, которые остро проявляют себя в целом ряде регионов.

Мы должны исходить из того, что потребность в российских углеводородах на обозримую перспективу у этих и других факторов мировой политики будет только возрастать и Россия может выдвигать все более комплексные условия их поставки, исходя из выших национальных интересов.

Все более важным фактором мирового спроса на углеводороды становятся Китай и Индия, проводящие весьма энергичную (как видно по многим недавним историям и политикам, агрессивную) политику по обеспечению на долгосрочную перспективу доступа к исключительным запасам нефти и природного газа.

При этом Китай ради решения задач обеспечения своей экономики энергоресурсами предоставляет своим соответствующим партнерам экономическую помощь, полагая стратегия до-

рели, поркам, стадионам, различным видам спорта и иным спортивным друмам также включено в перечень приоритетных направлений государственной политики в области науки и технологий»¹⁰.

Экономический рост России в стратегической перспективе должен обеспечиваться прежде всего за счет наукоемкой промышленности и базирующейся на высоких технологиях сфере услуг, за счет всемерного развития «человеческого капитала». Нам необходимо использовать не только возможности внутреннего потребления, вновь завоевываемая и отстаивая рынки России, но и настойчиво проводить целенаправленную политику по продвижению российской продукции на ряд мировых рынков¹¹.

До недавнего времени это решалось государством, прежде всего применительно к поставкам российской продукции военного назначения, где были достигнуты значительные результаты, позволившие выжить и продвинуться вперед ряду сегментов отечественного оборонно-промышленного комплекса.

Особого внимания требует развитие национального информационно-технологического комплекса¹², а также развитие определенного спектра биотехнологий¹³.

Усиление роли государства в экономике России, в том числе за счет увеличения государственной доли в стратегически важных отраслях

¹⁰ Особо важную роль должны при этом сыграть принципы в 2008 г. Президентом В.В. Путиным решения о значительном повышении зарплат научным сотрудникам Российской академии наук.

экономики, – это естественный процесс для данного этапа развития России, исключительно важный для обеспечения нашей национальной конкурентоспособности¹⁰².

Наша страна по характеру развития рыночной экономики находится в условиях, в чем-то аналогичных тем, которые были в 1950-х гг. у западноевропейских государств – не только у Франции и Италии, но и у Великобритании, Нидерландов и других¹⁰³.

Во Франции, например, такая роль государства отнюдь не была позицией левых партий: наиболее ярко она проявилась у де Голля и галлистов, занимавших преимущественно правоцентристские и правоконсервативные позиции. Благодаря такой политике Франции удалось в тяжелейших конкурентных условиях сохранить национальную авиационную промышленность, автопром, создать ядерную энергетику, собственную электронную промышленность, наукоемкую ракетно-космическую промышленность, которые обеспечили Франции высокие темпы экономического роста вплоть до 1990-х гг. и дали ей возможность вернуться в число великих держав.

Создание мощных национальных компаний, способных обеспечивать конкурентоспособность нации на европейском, азиатском, на глобальном рынках, – это актуальнейшая задача для России в условиях глобализации. Далеко не все частные предприниматели без активной и мощной поддержки государства способ-

ны создавать такие «локомотивы национально-го успеха».

Весьма важна роль государства и в выстраивании транснациональных компаний на постсоветском пространстве ради общих интересов конкурентоспособности России и ее друзей и партнеров. При создании таких транснациональных компаний надо предельно бережно и внимательно относиться к интересам и мнениям вовлеченных в этот процесс представителей стран СНГ.

Возрастание роли государства в экономике не должно выливаться в прямое управление бизнесом из кабинетов правительственных ведомств.

Государственные компании призваны действовать как реальные автономные субъекты рыночной экономики, по рыночным законам, заботясь о прибыльности, эффективности своих предприятий; преимуществом таких компаний может и должно быть то, что они свою прибыльность определяют бы на долговременной основе, проявляя заботу о перспективе, о создании соответствующих научно-технических заделов, постоянно совершенствуя и свою технологическую базу, и систему управления. Для этого необходимы адекватные механизмы контроля за деятельностью госкомпаний как в исполнительной, так и в законодательной власти, в том числе на уровне субъектов Федерации.

Обеспечить эффективность национального бизнеса возможно лишь на мощной интеллектуальной основе глубокой комплексной, многомерной проработки вопросов развития всех ос-

новых сегментов мировых и региональных рынков.

Такой интеллектуальный задел (создаваемый и правительственными, и негосударственными исследовательскими центрами при активной и осознанной поддержке со стороны и «политического класса», и деловой элиты) был и остается одним из важнейших условий достижения успеха в обеспечении национальной конкурентоспособности. Так было в целом ряде европейских стран (особенно в 1950–1960-х гг.)¹²⁴, в Японии (вплоть до начала 1990-х гг.)¹²⁵, в Сингапуре, на Тайване, в Южной Корее¹²⁶.

Все активнее такого рода разработки проводятся различными исследовательскими центрами в Китайской Народной Республике, а также в Индии.

В отечественном деловом сообществе и в «политическом классе» России наличие подобного интеллектуального поиска обоснования принятия стратегических решений (весьма непростого по используемым методикам, объектам данных, с многократной проверкой их достоверности, трудозатратного, требующего солидной общественно-научной базы, экономической, эконометрической, социологической, социально-психологической, политологической и пр.) явно все еще, к сожалению, недооценивается. Соответственно не стимулируются должным образом сложные, затратные исследования междисциплинарного характера, постоянный обмен идеями, мнениями, результатами иссле-

дований и т. п. между академическим сообществом и различными ветвями власти, бизнесом.

Можно вполне согласиться с мнением В.А. Фадеева в том, что отсутствие стратегического видения у государства, отсутствие стратегического проекта серьезно затрудняет планирование развития любого бизнеса в любой стране, ибо российские компании, совмещая свои ресурсы с ресурсами abroad, оказывают колоссальный, выходящий за пределы, потенциал¹⁰⁷. Очевидно, что опора на ресурсы государства могла бы многократно увеличить ресурсы, «благодаря устойчивости» российских компаний перед лицом их главных конкурентов.

В долгосрочной перспективе именно реализация конкурентных преимуществ научно-промышленного потенциала может позволить России добиться стабильного экономического роста. Опора на торговлю сырьем, даже при том, что почти 30% его мировых запасов – в наших руках, приемлемого подъема экономики не даст. Однако этот мощный потенциал природных ресурсов должен быть оптимальным образом использован для других направлений развития российской экономики¹⁰⁸.

В последние годы зависимость России от экспорта сырья достигла критического уровня, что представляет собой угрозу для национальной безопасности и суверенитета страны. Серьезную угрозу в этом плане для интересов Рос-

сия представляет радикальное снижение мировых цен на энергоносители, вызванное теми или иными причинами.

Не снижая (а в ряде случаев и увеличивая) объемы поставок сырья, следует целенаправленно, год за годом, изменять структуру российского экспорта в пользу промышленных товаров и услуг, прежде всего в пользу наукоемкой продукции. Одновременно необходимо добиваться большей степени переработки сырья, улучшать структуру топливного баланса. Политику отдельных энергетических компаний следует во все большей степени subordinировать относительно общегосударственных интересов, национально-курса на обеспечение реального суверенитета¹⁰⁰.

В рамках собственно энергетической политики важно увеличить производство электроэнергии на атомных электростанциях, развивая прежде всего наиболее безопасную ядерную энергетику на основе реакторов на быстрых нейтронах¹⁰¹.

В ходе своей пресс-конференции 31 января 2006 г. Президент России В.В. Путин обозначил задачу увеличения доли атомной энергетики в электроэнергетике в России с 16–17% в 2005 г. до 25% в 2030 г.¹⁰¹

Сами энергетические компании должны превратиться в «глобальных игроков», обеспечивая во многих случаях решение не только экономи-

ческих, но и политических задач, обеспечивая общие национальные интересы России в мирно-политической системе.

Энергетические компании должны быть среди локомотивов национальной экономики, «вытягивающих» развитие целого ряда направлений отечественного машиностроения – на основе как технологий среднего уровня, так и высоких технологий¹⁰².

Есть уже несколько примеров тому, что заказы на соответствующее оборудование со стороны «Газпрома», ряда нефтегазовых компаний помогли диверсифицироваться десяткам предприятий оборонно-промышленного комплекса, сохранить по крайней мере часть их научно-технического потенциала.

Экономическое развитие 2004–2005 гг. убедительно показало, что Россия выходит на новый уровень влияния, возможностей в мировой энергетике, превращаясь, как отмечал Президент России В.В. Путин на заседании Совета безопасности РФ 22 декабря 2005 г., в этой важнейшей сфере в лидирующую силу.

Особенность положения России в деле обеспечения международной энергетической безопасности состоит в том, что она является членом «восьмерки» (где обсуждаются проблемы мировой энергетике вместе с наиболее развитыми странами, являющимися нетто-импортерами энергетических ресурсов) и одновременно входит в группу ведущих нетто-экспортеров энергетических ресурсов, заинтересованных в обес-

печени стабильных поступлений средств от экспорта энергоносителей по справедливым ценам. России удалось обеспечить устойчивые конструктивные отношения как с западными нетто-импортерами углеводородов (США, страны ЕС), так и с восточными (ЮНР, Индия, Япония, Республика Корея и др.)⁶.

Если Россия в ближайшие десять лет на мировом рынке высокотехнологичных товаров сумеет увеличить свою долю с 0,3% хотя бы до 3%, это превысит потенциальный объем нашего нефтегазового экспорта¹¹².

Одно из важнейших достоинств России – способность разрабатывать и выводить в действие крупные сверхсложные системные системы, основанные на достижениях точных наук. Речь идет о гражданских и военных ракетно-космических комплексах, авионике авиационных самолетов, крупных подводных и надводных военных кораблях, гражданских и военных самолетах, системах боевого управления стратегическими ядерными силами, системах предупреждения о ракетном нападении, установках термоядерного синтеза и пр. В настоящее время растут

---

⁶ Еще раз следует отметить особую роль Китая и Индии как все более важных потребителей энергоресурсов и «чернокоп» в сфере международной энергетической безопасности. Взаимодействие России с Индией и Китаем по проблемам энергетики осуществляется как на двусторонней основе, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества, которой в январе 2006 г. был создан специальный орган для работы общей задачей стран, входящих в ШОС, по проблемам мировой энергетики.

ские кредитованная демонстрационная способность освоить производственно платформы для добычи природного газа и нефти на шельфе, судна для транспортировки сжиженного газа и т. п. Имеется значительный потенциал в производстве сложной аэрокосмико-вычислительной техникой (суперкомпьютеры) с соответствующим программным обеспечением и др.

Эта национальная особенность России не нашла еще должного признания ни в российском бизнесе, ни в российском «политическом классе». Эта особенность должна быть в полной мере учтена и при развитии, модернизации системы российского образования¹⁴⁴.

Способность осуществлять фронтальные фундаментальные исследования есть, помимо России и США, еще у 2–3 стран в мире. Так что развивающаяся широким фронтом по всем основным направлениям фундаментальная наука – гораздо более редкий феномен, чем принято считать. Это наше достояние необходимо сохранять и преумножать, причем достижения в военно-технической сфере требуются во все большей мере ориентировать на применение в гражданской экономике. Нельзя забывать один из важнейших и в основном усвоенных уроков истории Советского Союза – независимая оборонная промышленность не может долго и без чрезмерных затрат существовать в виде обособленного анклава, не являясь органичной частью высокотехнологичной промышлен-

ности в целом (с преобладанием высокоприбыльного гражданского компонента).

Важнейшая задача по сохранению и наращиванию нашего научного потенциала заключается в том, чтобы наука была востребована за счет развития наукоемких отраслей промышленности. Решение этой задачи требует повышенного внимания и приоритетного финансирования со стороны государства и частного бизнеса. Тесный симбиоз фундаментальной и прикладной науки, промышленности и отлаженной системы образования – это одно из наиболее важных средств поддержания конкурентоспособности России в мировом политико-экономическом и технологическом соревновании, обеспечения нашей национальной безопасности и достойного качества жизни наших сограждан¹²⁸.

Наибольшую ценность в современных условиях приобретают именно научные знания и особенно способность к созданию нового научного знания. Сегодня технологии, благодаря которым разрабатываются наиболее прибыльные продукты, создаются в первую очередь на основе новых научных знаний, выявления новых физических, химических, биологических и прочих закономерностей. В силу этого особую важность представляет интеграция образования и науки, включенность в процесс профессионального научного творчества и обучающих (профессорско-преподавательский состав), и обучаемых (студенты, аспиранты).

К сожалению, за прошедшие годы реформ фундаментальная и прикладная наука оказалась в тяжелейшем положении, в первую очередь, как правило, из-за резкого сокращения ассигнований на нее, падения престижа научно-исследовательской деятельности в нашей стране, снижения востребованности достижений науки бизнесом и государством. Объемы финансирования фундаментальной науки в России долгое время оставались меньшими, чем в США и других развитых странах, не в разы (что соответствовало бы разнице в размерах ВВП), а на несколько порядков. Только в последнее время наметилась тенденция к изменению положения в этой сфере в лучшую сторону. Следствием этого стал значительный отток многочисленных квалифицированных научных кадров, причем в самые развитые государства, в наиболее престижные университетские и научные центры США, Великобритании, Германии и других стран, что лишний раз говорит о высоком уровне развития и авторитета советской и российской науки. По некоторым данным, сегодня в США до 30% математиков высшего класса и около 50% физико-теоретиков – выходцы из СНГ; в абсолютном и относительном выражении увеличивается число молекулярных биологов – выходцев из России, работающих в ведущих американских лабораториях. Причем российская система образования и российская фундаментальная и прикладная наука во многом работают не только на наиболее развитые страны

Запада, но в последнее время и на Китай и некоторые страны Юго-Восточной Азии. А вместе с тем отечественная наука и образование во все большей степени зависят от иностранных доноров – по некоторым оценкам, уже до 75–80%. Результаты ценнейших исследований российских ученых (в т. ч. нескольких потенциальных нобелевских лауреатов) все чаще в качестве интеллектуальной собственности начинают принадлежать зарубежным компаниям, фондам, университетам, что в перспективе обернется потерями для российской экономики в миллиарды долларов. Часто это происходит потому, что у российских исследовательских центров, конструкторских бюро отсутствуют собственные средства, а адекватная поддержка государства в защите их интеллектуальной собственности во внешнем мире им пока не предоставляется.

Исчезновение фундаментальной науки, которое может произойти в ближайшие годы по большинству направлений, обернется для нас даже более тяжелыми последствиями, чем исчезновение ряда производств. История учит, что в отличие от многих видов промышленности фундаментальная наука, будучи утрачена, может быть восстановлена – даже при выделении достаточных ресурсов – усилиями лишь нескольких поколений или останется вообще не восстановленной.

Исключительно важным для обеспечения экономического могущества нашей страны, ее ре-

ального суверенитета был бы решительный поворот к созданию современного сельского хозяйства. Одним из основных преимуществ России перед всеми другими государствами на долгосрочную перспективу являются гигантские площади плодородных земель. Как отмечает профессор В.В. Наумкин, наиболее дальновидные стратегические аналитики КНР и Индии понимают, что эти государства в перспективе совсем не столь отдаленной не смогут кормить себя, и отводят в этом плане ресурсам России ключевую роль.

Краеугольным камнем национальной обороны, обеспечивающей реальный суверенитет страны, должны оставаться независимые национальные силы и средства ядерного сдерживания, дополненные системой «предядерного сдерживания»¹⁴⁶.

Ядерное оружие сегодня для нашей страны играет особую политическую и оборонную роль. Сейчас и на обозримую перспективу оно является едва ли не единственным видимым фактором, обеспечивающим для нашего государства статус великой державы. При этом нужно учитывать, что значение ядерного фактора в иерархии мировой политики начинает вновь возрастать (хотя во многом и в иных формах, нежели это было в первые десятилетия после Второй мировой войны) – прежде всего в результате появления двух новых ядерных государств – Индии и Пакистана, стран с населением, численность которого в совокупности значительно превышает миллиард человек¹⁴⁷.

Оценивая статусную роль ядерного оружия для нашей страны, необходимо иметь в виду и экономику ядерного сдерживания. Россия сохраняет сопоставимый с США ядерный арсенал, другие элементы системы ядерного сдерживания при валовом внутреннем продукте, в 10–12 раз меньшем, по ряду авторитетных оценок, чем у Соединенных Штатов. В несколько раз больше, чем у России, валовой внутренний продукт у каждой из трех других ядерных держав – членов Совета Безопасности ООН: Великобритании, Франции, КНР. При этом их ядерные арсеналы существенно меньше, чем российский ядерный арсенал. Очевидно, что без мощного рынка в экономике Россия уже в ближайшие годы не сможет обеспечивать и свой ядерный потенциал, а значит, и статус в тех же масштабах, в каких это имеет место в настоящее время.

В этих условиях необходимым является повышение политико-военной и военно-стратегической эффективности ядерного сдерживания, обеспечение высокого уровня его интегральности и возможности многовариантных действий (и особенно действий асимметричного характера) для высшего государственного руководства в кризисных условиях¹⁰⁸.

Нельзя забывать и о том, что российские ядерные силы – не только средство обеспечения национальной безопасности нашего Отечества, но и один из ключевых элементов глобальной стратегической стабильности. Этот вывод основан как на уроках полувековой истории, так

и на прогнозе развития мировой политики на период по крайней мере до 2025–2030 гг.¹⁴⁹

Вместе с тем следует иметь в виду, что ядерное сдерживание не дает возможности парировать все военные угрозы безопасности России. Мировой и отечественный опыт говорит о том, что ядерное оружие оказывается малоэффективным политическим средством для сдерживания или успешного ведения разного рода ограниченных войн и вооруженных конфликтов, особенно конфликтов низкой интенсивности. А именно такого рода конфликты рассматриваются большинством экспертов как наиболее вероятные в перечне потенциальных угроз военной безопасности России.

России необходимы достойные, современные, хорошо оснащенные, компактные силы общего назначения, способные к проведению операций прежде всего на евразийском пространстве, в том числе операций по обеспечению безопасности наших друзей и союзников. Такого рода действия могут оказаться необходимыми и для спасения жизни, здоровья наших соотечественников, проживающих в тех или иных зарубежных странах.

В этих целях важно наращивание как стратегической (оперативно-стратегической), так и тактической мобильности соответствующих компонентов сил общего назначения, всей системы информационно-аналитического обеспечения их действий. Особое внимание необходимо уделить отработке действий с применением сете-

вых систем управления, которые интегрируют разведку и обработку данных, целеуказания, передачу команд и контроль за их исполнением, управление высокоточным оружием.

Нашей стране необходима достойная военно-морская мощь, обеспечивающая политические, оборонные и экономические интересы нашей страны в различных районах мира, в ряде акваторий Мирового океана (надо иметь в виду, что Военно-морской флот был и есть один из наиболее гибких многоцелевых военных инструментов политики государства)²⁰⁰.

Одной из важнейших задач должно стать ускоренное качественное перевооружение российских Вооруженных сил, других силовых структур²⁰¹. Это среди прочего явится также одной из мер по сохранению и развитию отечественной наукоемкой промышленности в целом.

Развитие Вооруженных сил, других компонентов военной мощи необходимо осуществлять на основе глубокого понимания закономерностей, особенностей нынешней «революции в военном деле»²⁰² (не первой в мировой истории). Она имеет как ряд общих характеристик, так и специфические черты для конкретных государств, развивающих свою оборонную мощь

²⁰⁰ Следует отметить, что одним из пионеров разработки темы «революция в военном деле» в современных условиях является отечественный заложник – Маршал Советского Союза Н.В. Огарков, что признается в том числе в США (со стороны, например, такого «глубоко» политико-военной и военно-стратегической мыслителя в Соединенных Штатах, как Эдвард Маршалл).

в рамках политики обеспечения реального суверенитета¹²².

Военная мощь может служить также защите экономических интересов, и именно по этой причине в современных условиях ее необходимо рассматривать и как средство повышения капитализации национальной экономики.

Российская политическая и деловая элита, академическое сообщество обязаны работать на долгосрочную перспективу: то, что не дает отдачи сегодня или завтра, окажется востребованным послезавтра¹²³. Необходимо вкладывать большие интеллектуальные и организационные усилия в образование, в том числе высшее. В обществе не может быть «слишком много образованных людей». Чем выше уровень образования населения, тем больше шансов у страны достичь больших успехов в экономике¹²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Keohane R., Nye J. S. (Jr.). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. – Cambridge, Harvard Univ. press, 1977.
2. См.: Кокошин А.А. *Ядерные конфликты в XXI веке. Типы, формы, возможные участники*. – М.: Медиа-Пресс, 2003.
3. И. Валлерстайн обоснованно пишет о том, что «хотя сегодня стало модным говорить о глобализации как о феномене, относящемся самое раннее к 70-м годам XX столетия, на деле транснациональные товарные цепочки хорошо известны с тех времен, когда система лишь зарождалась, и приобрели глобальный характер еще во второй половине XIX века». По его мнению, несмотря на значительный прогресс технологий, открывших возможности транспортировки огромных масс товаров на значительные расстояния, «структура и функционирование товарных

цепочек не претерпели в XX веке кардинальных изменений, и таковые вряд ли произойдут даже под воздействием так называемой информационной революции». – Валлерстайн И. *Конец знакомого мира. Социология XXI века* / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2003. С. 82.

4. Член-корреспондент РАН В.Н. Кузнецов говорит о возникновении культуры глобализации, которая может быть определена как «процесс устойчивого и ускоренного соединения локальных проблем (человека, семьи, народа) с общецивилизационными; национальных культур с интернациональной культурной средой».
5. См.: Портной М.А. *Мировой финансовый кризис – испытание для лидеров и их последователей // Современный финансово-экономический кризис: Реакция нарождающихся рынков и центров мировой экономики.* – М.: ИЛА РАН, 1999. С. 75–93.
6. См.: Коношин А.А. *Путь России в глобальную экономику.* – М.: Центр проблем национальной безопасности России МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. С. 12.
7. См.: Nye J. S. *Bound to Lead. The Changing Nature of American Power.* – N.Y.: Basic Books, 1990. P. 8.
8. Коношин А.А. *Путь России в глобальную экономику.* С. 10–11.
9. Внешний долг России в относительно недавнем прошлом достигал весьма внушительного размера – приблизительно 150 млрд. долл. В «Заявлении Правительства РФ и ЦБ РФ об экономической политике на 1999 год», направленном

Международному валютному фонду, отмечалось, что объем внешнего долга России составляет 90% от ее ВВП. По некоторым оценкам, исходящим из других расчетов размера ВВП, в 1998 г. он составлял 55% от ВВП, что было сопоставимо с соответствующими показателями Бразилии, Мексики и Аргентины. Из названной суммы 80 млрд. долл. – это принятый на себя Россией долг бывшего СССР, который постепенно реструктуризировался в процессе переговоров с Парижским и Лондонским клубами кредиторов, 70 млрд. долл. – собственно российский долг, из которого 27 млрд. приходилось на МВФ и Всемирный банк.

Универсальных показателей, четко определяющих предельно допустимую для страны экономически безопасную величину внешней задолженности, не существует. Все зависит от структуры долга, сроков займов, а главное – от эффективности использования финансовых ресурсов, имеющихся в распоряжении той или иной страны. К сожалению, заемные ресурсы Россия использовала крайне неэффективно. Она относится к категории стран, испытывающих недостаток финансовых ресурсов для поддержания текущей экономической деятельности; именно в этой связи предыдущие правительства России обращались к кредиторам с соответствующими просьбами и заключали соответствующие соглашения. Такие долги породили обязательства, которые нужно было исполнять в определенные сроки, и потребовали постоянных усилий для их урегулирования. С 1999 по 2005 г. произошло сокращение внешнего

долга по отношению к ВВП с 90% ВВП до 12%. Были полностью погашены долги перед МВФ и значительная часть долга перед Парикоским клубом.

10. Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. 22.02.2006. – <http://www.edinoros.ru/news.html?id=111198>.
11. Результаты развития капиталистических отношений в России (и в ряде других стран мира) неоднозначно оцениваются российским общественным мнением. В ходе исследования, проведенного компанией «Глоубсон» по заказу Мэрилендского университета, 43% россиян выразили согласие с тем, что «свободное предпринимательство и свободная рыночная экономика – это лучшая система, на основе которой следует строить будущее человечества». Не согласны с этим 34% опрошенных. Эти показатели сильно контрастируют с итогами опроса в мире в целом (соответственно 61% и 28%) и в ряде отдельных стран. По данным этого опроса, наибольшей поддержкой капиталистическая система пользуется в... коммунистическом Китае, где ей отдает предпочтение целых 74% опрошенных. Почти такие же высокие показатели в других крупных странах Азии (на Филиппинах, в Южной Корее, Индии и Индонезии), а также в США. В Западной Европе доля позитивных отзывов варьируется в пределах примерно 60–65%. Исключение на общем фоне 20 охваченных опросом стран составляет Франция, где предложенный тезис собрал лишь 36% голосов, тогда как половина респондентов его отвергла.

Гораздо более единодушно участниками опроса согласились с необходимостью усиления государственного контроля за деятельностью крупных корпораций для защиты окружающей среды, а также прав трудящихся и прав потребителей. В России и Германии с этим солидарны более половины опрошенных, а во всех остальных странах – как минимум две трети. Опало 65% респондентов в мире в целом убеждены, что «система свободного предпринимательства... лучше всего работает в интересах общества, когда сопровождается сильным правительственным регулированием» (выделено мной. – А. К.).

В соотношении 66% к 16% россияне поддержали тезис о том, что «крупные компании оказывают слишком большое влияние на наше правительство». В мире в целом эта точка зрения набрала в среднем 73% голосов, а, например, в США ее разделяют целых 85% респондентов.

Комментируя итоги исследования, руководитель социологической программы Мэрилендского университета Стивен Кулл указал на двойственность полученных результатов. «Хотя подавляющее большинство поддерживает свободные рынки, наблюдается также почти единодушное отрицание необузданного капитализма, – заявил он. – Люди по всему миру в подавляющем большинстве ратуют за более активное правительственное регулирование деятельности крупных компаний и за большую защиту трудящихся и потребителей. – Россияне не слишком уверены в преимуществах капитализма (норр. ИТАР-ТАСС Андрей Шитов). Вашингтон,

- 13 января 2006 г. // ИТАР–ТАСС. Лента -ТАСС. Мир и мы-. 13.01.06, 12:32.
12. Стиглиц Дж. Революция девяностые. Семьдесят развала. Пер. с англ. д. п. н. Г.Г. Пирогова. – М.: Современная экономика и право, 2005. С. 63.
13. Стиглиц также пишет: «Выступая как носители единственной формулы гарантированного процветания, мы – иногда при содействии других промышленно развитых стран – заставляли остальные страны делать дела по-нашему. Как через нашу собственную экономическую дипломатию, так и через влияние доминируемого американцами Международного валютного фонда дядя Сэм действовал в обличье доктора Сэма, раздавая свои рецепты остальному миру: сокращайте ваш бюджетный дефицит. Снижайте ваши торговые барьеры. Приватизируйте коммунальные услуги. Подобно некоторым врачам, мы были слишком заняты – и, можете быть уверены, самими собой, для того чтобы выслушивать пациентов, налаживших свои собственные идеи». – Там же. С. 68.
14. Богомолов О., Ненипелов А. Экономическая глобализация и кризис мирового хозяйственного порядка // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития / Предисловие и послесловие М.С. Горбачева. – М.: Альпина паблишерс, 2003. С. 124.
15. Многоплановый характер использования нефти, технологические особенности индустриальной и постиндустриальной экономики сделали нефть уникальным видом сырья в современной цивилизации, с которым не может сравниться ни один другой вид сырья. Такая роль нефти

прогнозируется авторитетными организациями и на обозримую перспективу. По прогнозу Международного энергетического агентства, при неизменных ценах на нефть (Reference Scenario) (по отношению к ценам первой половины 2005 г.) в отсутствие государственной политики (выделено мной. – А. К.) потребность в нефти может к 2030 г. возрасти на 50%; разведанные запасы нефти позволяют это сделать, однако для такого наращивания добычи нефти, по оценкам МЭА, потребуется 17 триллионов долларов инвестиций (в ценах 2004 г.) (**World Energy Outlook 2005: IEA Projects Growth in Middle East and North Africa Oil and Natural Gas Sectors through 2030 but a Lack of Investment would Push up Prices and Depress GDP Growth**; http://www.iea.org/Textbase/press/pressdetail.asp?PRESS_REL_ID=163. P. 45). Импорт нефти странами – членами МЭА с Ближнего Востока и из стран Северной Африки будет расти, тем самым увеличивая зависимость от стран этого региона США, Западной Европы, а также Китая и Индии. Доля стран Ближнего Востока и Северной Африки увеличится в производстве нефти с 35% в 2004 г. до 44% в 2030 г. При этом среди стран этого региона увеличится доля таких стран, как Иран, Кувейт, ОАЭ и Ливия (**World Energy Outlook 2005: Middle East and North Africa Insights (WEO-2005)**, <http://www.oeftegaz.ru/analit/reviews.php?id=528> P. 47). При этом возрастет и выброс углекислого газа в результате разного рода деятельности, связанной с потреблением углеводородов – к 2030 г. на 52% больше, чем

в 2005 г. (**World Energy Outlook 2005: Middle East and North Africa Insights (WEO-2005)**). Такой сценарий считается авторами данного доклада M3A *not sustainable* – он не является стабилизирующим ни с точки зрения энергетической безопасности, ни с точки зрения перспектив сохранения экологии (**Op. cit.**).

В случае реализации другого (при уменьшении объемов инвестиций на 1/3) сценария (**Deferred Investment Scenario**) цены на нефть сначала будут выше, а затем, в конечном итоге, окажутся ниже в результате замедления темпов роста мировой экономики из-за более низких темпов роста в странах-потребителях (**Op. cit. P. 49**).

По третьему сценарию M3A – «мировой альтернативной политике» (**World Alternative Policy Scenario**) предполагаются значительные ускорения по внедрению более чистых источников энергии. При реализации этого сценария потребление нефти (и природного газа – смол) будет ниже в мире, но указанные выше нетто-импортеры углеводородов все равно будут в большей степени, чем сейчас, зависеть от своего импорта из стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Основные особенности территориального размещения запасов нефти состоит в том, что, во-первых, нефть отличается сравнительно высокой концентрацией запасов и, во-вторых, на экономически развитые страны приходится менее 20% мировых запасов нефти. Около половины мировых запасов нефти сосредоточено в земной коре Аравийского полуострова.

Среди наиболее рельефных тенденций последних 10–15 лет в развитии мирового энергоба-

ланса отмечается возрастание удельного веса природного газа в силу комплекса экономических, технологических и экологических факторов. Дополнительные рыночные свойства природному газу придает увеличение производства сжиженного газа.

В мировом энергопотреблении по-прежнему значительную роль играет уголь (особенно в производстве электроэнергии во многих странах). Удельный вес атомной энергетики на протяжении длительного времени остается примерно на одинаковом сравнительно невысоком уровне. В значительной мере эти тенденции пролонгирует в большинстве наиболее известных прогнозов и на обозримое будущее. По оценке МЭА, потребление природного газа будет расти быстрее, чем остальных углеводородов (в основном за счет роста его потребления при выработке электроэнергии). Природный газ выйдет на второе место в мире к 2015 г. среди видов топлива, оттеснив уголь на третье место. Производство энергии за счет возобновляемых источников будет расти быстрыми темпами, но оно по-прежнему будет покрывать лишь 2% первичного потребления энергии к 2030 г. (Op. cit. P. 45).

Что касается нефти, то рынок в целом можно считать глобальным; применительно к природному газу сохраняется региональный характер рынков, несмотря на рост доли в его потреблении сжиженного природного газа (СПГ).

В то же время мировой рынок нефти остается сегментированным (см.: **Энергетика в России и мире. Проблемы и перспективы.** – М.: МАНН

«Науна» / ИНТЕРПЕРИОДИКА, 2001. С. 18). Это связано с тем, что нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ) определенных регионов зависят от нефти из конкретных месторождений. Диапазон адаптации у многих НПЗ к нефти разных сортов весьма невелик.

Наличие такого рода сегментации в случае возникновения кризиса в той или иной нефтедобывающей стране или провинции способно создавать серьезные локальные дефициты сырья (и соответственно нефтепродуктов) и скачки в ценах на нефтепродукты, дестабилизирующие не только рынки, но социально-политическую обстановку в тех или иных странах. В ряде регионов мира значительно отстало от роста потребления развитие нефтеперерабатывающих предприятий; особенно это оказалось характерным для США и стран Евросоюза.

Эксперты отмечают, что строительство нового НПЗ (в США и странах ЕС) требует нескольких лет и 2–3 лет сложных бюрократических процедур, согласований с властями разного уровня. Это создает серьезные трудности для инвесторов. Весьма значительную роль при этом играют разного рода ограничения экологического характера, введенные на протяжении последних 20–25 лет на территории США и Евросоюза. В США к тому же имеются разные требования к качеству нефтепродуктов в различных штатах, что затрудняет маневр ими в условиях кризиса с производством бензина и других видов топлива. Длительное время ни в США, ни в ЕС не было сколько-нибудь значительных инвестиций в НПЗ (*Petroleum Argus. Weekly News Letter*

Politics. Vol. XXXV, 35. September 2005. P. 6, 8). Отмечается, что в последние годы крупнейшие транснациональные нефтяные компании предпочитали не вкладывать средства в такие объекты, а поглощать другие компании (в результате чего возникли, например, «Бп-Пин-Амоко», «Экссон-Мобил», «Шеврон-Тенсано»).

Для США эта проблема весьма рельефно проявилась, в частности, осенью 2005 г. под воздействием урагана «Катрина», нарушившего на несколько месяцев функционирование значительного сегмента производства нефтепродуктов, что рядом экспертов рассматривается как главный фактор повышения цен на бензин и другие нефтепродукты в США в этот период, значительно более весомый, нежели проблемы с обеспечением поставок сырой нефти. От «Катрины» пострадало 9 НПЗ, общий объем потребления которых составлял 1,5 млн. баррелей нефти в сутки; в сентябре в США последовал скачок цен на бензин ([сайт oilcapital.ru – http://www.oilcapital.ru/press_round_up/2006/01/121110_82801.shtml](http://www.oilcapital.ru/press_round_up/2006/01/121110_82801.shtml)).

Имеющиеся у США стратегические запасы жидкого топлива – это только нефть (700 млн. баррелей). Потребление сырой нефти в США составляет около 20 млн. баррелей в день (по состоянию на 2005 г.). При этом в США практически нет государственных стратегических запасов бензина, дизельного топлива, которые они могли бы использовать для стабилизации цен для потребителя. Ряд видных западных предпринимателей и экспертов считают производство бензина «ахиллесовой пятой» американской,

а следовательно, и мировой экономике (**Weekly Oil Data Review. By Horsnell P., Norris K. / Barkley's Capital (Research). September 8, 2005. P. 1.**)

Значительные стратегические запасы как нефти, так и нефтепродуктов (включая бензин) имеются у Японии (по ряду оценок, они эквивалентны потреблению их в Японии в течение 160–180 дней при нынешнем уровне их потребления в этой стране). В Японии доминирует мнение, что эти резервы могут использоваться только в крайне острой ситуации, которая осенью 2005 г., по оценкам японского правительства, еще не наступила. Ряд экспертов при этом считают, что при такой политике японская интервенция на рынке нефтепродуктов может оказаться при обострении ситуации запоздалой и практически бесполезной.

16. Среди факторов, которые актуализировали обсуждение проблем международной энергетической безопасности, можно отметить следующие: значительно более быстрый рост потребления энергоресурсов (особенно углеводородов), чем предполагалось, который привел к резкому сокращению наличных резервных мощностей; такое положение дел может сохраняться на сравнительно долгую перспективу (после энергетического кризиса 1973–1974 гг. понадобилось примерно 10 лет, чтобы перевести ситуацию из состояния превышения спроса над предложением на рынке нефти в положение, когда предложение стало опережать спрос. В этот период высокие цены на нефть стимулировали, с одной стороны, внедрение

энергосберегающих технологий, а с другой – рост капиталовложений в нефтяную промышленность и в альтернативные источники энергообеспечения. – Клинов В. **Мировая конъюнктура первой четверти XXI в. и стратегия развития России / Мировая экономика и международные отношения**, № 10, 2005. С. 7); отставание темпов открытия и освоения новых месторождений от роста потребления углеводородов, что связывается политиками и экспертами прежде всего с недостатком соответствующих инвестиций; сохранение на высоком уровне добычи нефти в Ираке (арабские, американские и западноевропейские бизнесмены и эксперты отмечают, что сколько-нибудь крупных новых инвестиций в иракскую нефтяную промышленность пока нет; условия для ее модернизации крайне тяжелые; для частных западных компаний приход в Ирак затруднен не только непосредственно высоким уровнем насилия, непосредственной опасностью для жизни их сотрудников, но и общей политической неопределенностью в Ираке. По словам одного американского банкира, «у западных нефтяных компаний память лучше, чем у правительства; они хорошо помнят свои огромные потери при национализации «семи сестер» в начале 1970-х годов»); нестабильность в мировых ценах на нефть при их общем высоком уровне (в специальном заявлении лидеров «восьмерки» (G-8) на саммите в июле 2005 г. «Глобальная экономика и нефть» было отмечено то, что «вызовом» для мирового экономического роста являются высокие и нестабильные цены на нефть.

«Сильный глобальный рост, который увеличил потребление энергии, и ограничения на добычу и неопределенности с поставками привели к высоким и нестабильным ценам»; развитие альтернативных источников энергии с технологической и экономической точек зрения явно отстало от темпов роста потребления энергии. Имеются различные оценки относительно перспектив значимого для мирового энергодобавки развития «водородной энергетики»; по оптимистическим оценкам, это произойдет в пределах ближайших 10 лет; по более осторожным прогнозам, это потребует от 10 до 25 лет (см.: **RAND Forum on Hydrogen Technology and Policy: A Conference Report.** http://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/2005/RAND_CF218.pdf); наблюдается заметное усиление конкуренции за доступ к источникам энергоносителей как между субъектами экономической деятельности (соответствующими компаниями), так и государствами. Причем речь идет о конкуренции между наиболее влиятельными «центрами силы» мировой экономики и мировой политики – как теми, кто уже на протяжении десятилетий утвердился в этом качестве (США, ЕС, Япония), так и теми, кто сделал самую серьезную заявку на завоевание высокого места в мировой экономической и политической иерархии в последние 5–10 лет (прежде всего Китай и Индия); за счет появления в качестве все более важных субъектов мирового рынка потребителей энергоресурсов Китая и Индии «стратегический ландшафт» в этой сфере к середине текущего десятилетия радикально изменится. (Многие эксперты отмечают,

что эти две страны, добиваясь обеспечения своих национальных интересов, сохранения высоких темпов роста экономики, готовы действовать во многих случаях по иным правилам, нежели старые «центры силы» – нетто-экспортеры энергоресурсов.) В том числе это связано, например, с тем, что с китайской стороны присутствует более долгосрочное видение проблем обеспечения страны энергоресурсами. Это, по ряду оценок, выливается во многих случаях в то, что китайская сторона предлагает более высокую цену разработки одних и тех же месторождений, чем даже наиболее мощные западные транснациональные компании (см.: **Кокешин А.А. Проблемы международной энергетической безопасности и политика России.** – М.: ИГЕМ РАН, 2005); особенностью ситуации последних лет стало и то, что Китай и Индия (в несколько меньшей степени, чем КНР, но также весьма заметно) нарушили монополию западных финансовых центров на получение крупных инвестиций в добычу и переработку нефти и природного газа стран – нетто-экспортеров углеводородов. Этот фактор пока недооценивается многими политиками, бизнесменами и аналитиками на Западе. В поисках источников углеводородов Китай (как отмечают американские эксперты) все активнее идет в те страны, которые считаются в США входящими в «традиционную сферу интересов» Соединенных Штатов (Латинская Америка, Ближний Восток) (см., например: **Zweig D., Lianhai B. China's Global Hunt for Energy // Foreign Affairs, September/October 2005. Vol. 84. No. 5.**

Р. 25–38). Следует отметить, что Китай и Индия добиваются особых отношений с Ираном по поставкам энергоресурсов, что вызывает негативное воздействие со стороны США.

17. Одним из главных аспектов энергетической безопасности является обеспечение непрерывности поставок энергоносителей, что необходимо для стабильности функционирования экономики (промышленности, социальной сферы) конкретных стран. В ряде случаев нарушение непрерывности поставок энергоносителей может оборачиваться и ростом политической нестабильности с переходом в острые политические кризисы. Среди причин, которые могут нарушать непрерывность поставок энергоносителей: стихийные бедствия и катастрофы, междоусударственные войны и вооруженные конфликты с участием нетто-экспортеров энергоресурсов, внутренние войны в странах – нетто-экспортерах, радикальные смены режимов в такого рода странах, нарушающие функционирование систем добычи и транспортировки энергоресурсов, акты диверсий и саботажа в отношении объектов добычи и транспортировки, переработки нефти (в данном случае в том числе в транзитных странах).

С ростом масштабов импорта нефти, интенсивности перевозок ее морем более серьезной представляется проблема ряда «узких проливов», где, в том числе по мнению экспертов (включая экспертов Международного энергетического агентства), могут действовать террористы, диверсанты, пираты. Это относится не только к Ормузскому проливу (по многим оценкам,

сейчас в целом весьма надоедно охраняемому), но и к турецким проливам, и к Малаккскому проливу.

Крупной проблемой энергетической безопасности является защищенность объектов энергетики от повреждений, которые чреваты угрозой жизни и здоровью населения, крупным ущербом окружающей среде. Применительно к ядерной энергетике все более важной темой становится недопущение получения экстремистами, использующими террористические методы, расщепляющихся материалов, которые могут быть использованы для создания ядерного боезаряда или «грязной бомбы» (в условиях резкого возрастания мировой цены на нефть в ближайшее время мы можем наблюдать очередной цикл экспансии атомной энергетики, увеличенно ее веса в энергобалансе многих стран).

18. К этому моменту весьма рельефно проявилась особая роль России в мировой энергетике и в обеспечении мировой энергетической безопасности; это дало основание российскому государственному руководству позиционировать РФ как «энергетическую сверхдержаву».
19. Среди тех, кто связан с энергетическим сектором, в последние 2–3 года широко распространилось мнение о том, что кризис со снабжением энергоносителями (и нефтепродуктами) может разразиться в любой момент. Это ожидание кризиса оказывало глубокое воздействие на поведение политиков, бизнеса, общественности.
20. Серьезные конфликты могут возникать в треугольнике производитель – потребитель – транзитная страна. Недавний пример тому –

кризис в российско-украинских отношениях, который вызвал серьезную озабоченность в странах Центральной и Западной Европы, в которые транзитом через Украину поставляется природный газ на Российскую Федерацию. Возможно нарастание степени конфликтности между рядом стран в отношении спорных территорий, на которых имеются потенциально значимые объемы энергетического сырья (наиболее наглядно это проявляется во взаимоотношениях между КНР и Японией применительно к островам Сенкэну (Дяоюйдао) – после того как японское правительство дало своим компаниям разрешение на проведение разведочных работ на шельфе вокруг этих островов; в предыдущий период разрешение спора об этих островах было отложено Пекином и Токио «для следующего поколения»). Под обеспечение безопасности путей транспортировки углеводородов, районов добычи нефти и газа во многом выстраивается и система мер политико-военного порядка.

В последние 20–25 лет все более заметную роль в принятии решений по проблемам энергетики играют экологические факторы, которые трансформировались во многих случаях в крупномасштабные политические проблемы. «Энергетическая экология», во-первых, затрагивает проблему вредных выбросов со стороны энергетических предприятий. Во-вторых, это проблема аварий при транспортировке энергоресурсов, особенно аварий на трубопроводах. В-третьих, нанесение ущерба окружающей среде при переработке энергетических ресурсов

(особенно проблема НПЗ). В четвертых, потребление энергетикой воды – энергетика потребляет две трети всей свежей воды, идущей на нужды промышленности. В целом ряде случаев воздействие экологических факторов может быть таковым, что оно повышает политические риски в решении энергетических проблем.

21. См.: **Делягин М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации: Курс лекций. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. С. 53–54.**

Как пишет М.Г. Делягин, технологии, при помощи которых человечество изменяет себя, по аналогии с традиционными высокими технологиями, направленными на изменение окружающей среды (*high-tech*), получили название *high-hume*; в связи с перспективами развития биотехнологии, в том числе генной инженерии, можно категорию *high-hume* распространить не только на формирование сознания, но и на «непосредственное изменение человека». – **Там же. С. 55.**

22. По выражению известного американского публициста и исследователя проблем глобализации Томаса Фридмана, возникают «сверхмогущественные индивидуумы». К ним он относит, например, с одной стороны, известного террориста Усаму бен Ладена (такая оценка Бен Ладену была дана Т. Фридманом по крайней мере за два года до актов мегатеррора в США 11 сентября 2001 г.), а с другой – различных новых крупных игроков на мировых финансовых рынках. Среди «сверхмогущественных индивидуумов» Фридман назвал и Джоди Уилья-

- ме, получившую в 1997 г. Нобелевскую премию за свой вклад в запрет противопехотных мин. Она не только не пользовалась поддержкой правительства, но, наоборот, встречала сопротивление со стороны всех основных государств. Уильямс добилась успеха, организовав с помощью электронной почты 1000 различных групп активистов по правам человека и контролю над вооружениями по всему миру.
23. Китай отказался претендовать на UNOCAL. – <http://news.bbc.co.uk/1/1/4742000/4742003.stm>. 2005/08/03.
24. Кустаров А. Кризис государственного суверенитета (обзор новейших точек зрения западных политологов) // *Космополис*. 2004. № 1. С. 166.
25. Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // *Россия в глобальной политике*. 2004. Т. 2. № 6 (ноябрь – декабрь). С. 86.
26. См.: Наумкин В.В. Центральная Азия в мировой политике. – М.: Макс Пресс, 2005. С. 77.
27. Весьма немаловажные различия существуют между США и ЕС в вопросах применения военной силы ради обеспечения интересов Запада в поставках углеводородного сырья с Ближнего Востока, из Северной Африки и других районов мира. – *The Allies and Energy Security: Perspectives and Policies*. By Sokolovsky Richard, Larabee F. Stephen, and Lesser Ian. The RAND Corporation. <http://www.rand.org/publications/MR/MR1245/MR1245.ch3.pdf>.
28. Лавров С.В. Поощрение «экспорта демократии» в страны СНГ чревато дестабилизацией

и новыми конфликтами // РНА «Новости». 17 июня 2005 г.

29. Там же.

30. Отношение к этому явлению руководства нашей страны неоднократно высказывал Президент России В.В. Путин. Еще в декабре 2002 г., выступая в МГУ им. М.В. Ломоносова, он сказал: «Международные террористы, чем бы они ни прикрывались... ведут борьбу за политические и экономические рычаги влияния в мире. Именно это является их целью... Их задача – посеять страх и внести смуту не только в отдельных городах и странах, но и в отношения между государствами. В конечном итоге – в систему сложившихся международных отношений, в основе которых – общие демократические ценности государства и народов».

31. **Соловьев Э. Сетевые организации транснационального терроризма // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2 (5). С. 73.**

32. Одно из наиболее заслуживающих внимания определений терроризма представлено в книге Генерального прокурора Российской Федерации В.В. Устинова: «Терроризм – это намеренное использование насилия (или угрозы насилия) в отношении преимущественно невоенных целей для психологического воздействия на гражданское население и достижения таким путем политических целей. Партизанская же борьба должна рассматриваться как использование насилия (или угрозы такового) в отношении военных объектов в целях оказания воздействия на вооруженные силы, службы безопасности и органы государственной власти».

- и решения таким путем военно-политических задач. Разграничение осуществляется как по объектам, так и целям воздействия. – Устинов В.В. Обвиняется терроризм. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 31.
33. По опросам ВЦИОМ (декабрь 2005 г.) 30% граждан России считают, что США угрожают национальной безопасности РФ (Китай подозревают в этом отношении 17%); 33% опрошенных россиян считают, что США стремятся к экономическому порабощению России (19% высказались таким же образом в отношении Китая). – <http://www.wciom.ru/?pt=54&article=2149>. В соответствии с проведенным в середине декабря 2005 г. опросом ВЦИОМ каждый второй респондент-россиянин (51%) оценил «помощь» США в развитии демократии в России негативно. – См.: <http://www.vz.ru/politics/2005/12/28/17226.html>.
34. Российский ученый Д.Г. Балуев предлагает другой вариант названия – «личностная безопасность». См.: Балуев Д.Г. Понятие human security в современной политологии // *Международные процессы*. 2003. № 1. С. 95–105.
35. Hänggi H. *Conceptual Security Sector Reform and Re construction // Reform and Reconstruction of the Security Sector / Eds. A. Bryden, H. Hänggi*. – Munster: LIT Verlag, 2004. P. 5.
36. Еще в 1970-х гг. в США (возможно, под воздействием «вьетнамского синдрома») появились работы, в которых противопоставлялись понятия «человеческий интерес» (или интерес личности) и «национальный интерес»; в них отмечалось, что в США, в частности, злоупотребле-

ние представителями американского «политического класса» лозунгами обеспечения «национальных интересов» США (и соответственно «национальной безопасности») обернулось для этой страны самыми тяжелыми последствиями, в том числе поранением во вьетнамской войне.

37. См. подробнее: Долгополова Н.А. **Правые республиканцы в Вашингтоне: Влияние на внешнюю и военную политику администрации Буша-младшего.** – М.: Медиа-Пресс, 2003.
38. Международная энергетическая безопасность традиционно рассматривается прежде всего с точки зрения ведущих нетто-импортеров энергосырья (потребителей), с позиций обеспечения их углеводородами на стабильной основе и по сравнительно умеренным ценам. При этом от стран – нетто-экспортеров (производителей) требуется поддержание значительного уровня резервных мощностей, которые позволяли бы в условиях кризиса с поставками нефти на мировой рынок за счет сокращения поставок из одной страны (региона) нарастить ее добычу (и поставки) из других. Это явно неадекватный подход. Энергетическая безопасность, с точки зрения производителя, в том числе связана со значительными рисками, определяемыми необходимостью поддержания значительных резервных мощностей в условиях наращивания добычи углеводородов, имея в виду циклический характер экономического роста и цен на нефть. Специалисты, связанные с ОПЕК, отмечают, что чрезмерное педалирование безопасности обеспечения поставок, с точки зрения по-

- требителя, негативно воздействует на интересы безопасности производителей (нетто-экспортеров). – См., например: **Adrian Lajous (Oxford Energy Institute). Production Management, Security of Demand and Market Stability.** http://www.oxfordenergy.org/presentations/OPEC_Seminar.pdf (2004).
39. Генерал Дж. Б. Пэйз III, выступая перед подкомитетом по вопросам национальной безопасности палаты представителей Конгресса США 17 марта 1997 г., обосновывая необходимость такой структуры вооруженных сил США, говорил о том, что в зоне ответственности CENTCOM находится 65% мировых нефтяных запасов, из которых США обеспечивают 20% своих потребностей, Западная Европа – 43%, Япония – 68%; по его словам, «международное сообщество должно иметь свободный и неограниченный доступ к ресурсам региона» (**Peay III J.B. Promoting Peace and Stability on the Central Region. Report to the House Appropriations Committee, Subcommittee on National Security, March 17, 1997.** – www.centcom.mil/execsum.html (August 16, 1997). // **Klare M. Blood and Oil. The Dangers and Consequences of America's Growing Petroleum Dependency.** – London: Penguin Books, 2004. P. 203).
40. Кукьер К.Н. Кто будет контролировать Интернет // *Россия в глобальной политике*. Т. 4. № 1. Январь – февраль 2006 г. С. 39–41.
41. Важное развитие тема десуверенизации получила в политических установках администрации Дж. Буша-мл. применительно к «несостоявшимся государствам», которые называются угрозой

как для международной безопасности, так и национальной безопасности США.

42. В построении современного государства и общества в Китае с конца 1970-х годов все более заметную роль играет обращение к традициям конфуцианства, особенно к наследию такого продолжателя идей Конфуция, как Мао-Цзы (см.: Переломов Л.С. «Четвероникья» – ключ к постижению конфуцианства. Предисловие к кн. Конфуцианское «четвероникья» («Си шу»). Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобаева, А.Е. Лукьянова, Л.С. Переломова, П.С. Попова при участии В.М. Майорова. – М.: Восточная литература, 2004. С. 10–70). Роль такого рода идеологических и морально-этических построений, имеющих большую историческую глубину, часто недооценивается отечественными политологами и политиками.
43. В последние полтора-два года на индийское государственное руководство, на индийский политический класс в целом оказывается значительное воздействие со стороны США в целях встраивания индийской внешней политики «в нильватер» курса Вашингтона. Это в том числе наблюдается применительно к иранской ядерной проблеме. В связи с этим в конце января 2006 г. официальный представитель МИД Индии Навтедж Сарна заявил, что Индия поддерживает все инициативы, в том числе России, «нацеленные на достижение консенсуса по проблеме иранского ядерного досье и призывает предпринимать активные усилия именно в этом направлении». По словам Сарны, последние две недели Нью-Дели активно кон-

сультуруется с ключевыми представителями совета управляющих Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), а также Тегераном, чтобы «избежать конфронтации и добиться взаимоприемлемого решения по иранскому ядерному досье». Высокпоставленный индийский дипломат отметил, что Иран «имеет полное право использовать атомную энергию в мирных целях, соблюдая международные обязательства». «При этом будет только приветствоваться согласие Тегерана сотрудничать с МАГАТЭ для разрешения всех спорных вопросов», – подчеркнул Сарна. МНД Индии выразил решительный протест послу США Дэвиду Малферду, который дал ясно понять, что если Нью-Дели 2 февраля не проголосует за антииранскую резолюцию в МАГАТЭ, то Конгресс США не одобрит индийско-американское соглашение в области атомной энергетики, заключенное в Вашингтоне в июле прошлого года. Индийский МНД назвал высказывания посла «неуместными» и заявил, что если в совете управляющих МАГАТЭ иранский вопрос будет вынесен на голосование, то Индия будет руководствоваться «собственными национальными интересами, а не мнением Вашингтона» (из Нью-Дели 30 января 2006 г. корр. ИТАР-ТАСС Юрий Сидоров. – ИТАР-ТАСС. Лента-ТАСС. Мир и мы. 30.01.2006, 12:51). В предыдущий раз Индия в совете МАГАТЭ голосовала по иранскому вопросу вместе с США и другими западными странами, а не с Россией, КНР, Бразилией и ЮАР, что вызвало скандал в «политическом классе» Индии.

44. По данным опроса ВЦИОМ (август 2005 г.), только 4% опрошенных россиян считают Китай враждебным по отношению к России государством; еще 24% рассматривают Китай как экономического и политического соперника России, конкурента. Но гораздо больше тех, кто видит в КНР стратегического партнера России (34%) и даже союзника (22%). Чаще всего опасения относительно конкуренции со стороны Китая высказывают жители Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (37 и 44% соответственно против 25% в среднем по России). Каждый второй респондент в экономическом сотрудничестве увидел дисбаланс в пользу Китая (53%). Участие китайских фирм и работников в освоении Сибири и Дальнего Востока считают скорее опасным для России две трети респондентов (скорее полезными для России такие процессы считают лишь 17% респондентов). Большинство опрошенных выступили за ограничения на проникновение на российский рынок китайских товаров (51% – за ограничения, 35% – против), бизнеса (66 и 33%) и рабочей силы (69 и 28%). – **Китай для России – партнер или соперник?** Пресс-выпуск ВЦИОМ № 268 // <http://www.wciom.ru/?prt=598&article=1607>.
45. В Бушевской «Стратегии национальной безопасности США» (от 15 сентября 2002 г.) в разделе «отношения с основными центрами глобальной мощи и влияния» применительно к отдельным государствам речь идет только о России, Китае и Индии (хотя ритуально данный раздел начинается с Канады и Европы, с НАТО как органа для обеспечения «трансатлантической

и внутриневропейской безопасности» и с Евро-союзом как «партнера в обеспечении большей открытости мировой торговли».

Россия как центр силы обозначена в этом документе впереди Индии и Китая. При этом подчеркиваются изменения (они отмечаются в предыдущем разделе данного документа) в отношениях между США и Россией от «конфронтации к сотрудничеству», окончание «баланса страха», «историческое сокращение ядерных арсеналов обеих стран», «сотрудничество в таких сферах, как контртерроризм и противоракетная оборона». Авторы доклада пишут: «Мы стимулируем вступление России в ВТО». Относительно дальнейших перспектив американо-русского сотрудничества в «Стратегии национальной безопасности США» делается важная оговорка: «Российская неясная приверженность базовым ценностям свободной рыночной демократии и сомнительного рекорда в борьбе с распространением оружия массового поражения остается предметом огромной озабоченности».

Применительно к Индии отмечается, что «мы (США и Индия. – А. К.) являемся двумя крупнейшими демократиями, которые обеспечивают «политические свободы, защищенные представительным правительством». Говорится, что «сегодня мы исходим из того, что Индия является растущей мировой державой, с которой у нас имеются общие стратегические интересы». Далее авторы «Стратегии национальной безопасности США» пишут, что «посредством сильного партнерства с Индией мы сможем лучше иметь

дело с надменными различиями в подходах и определять облик будущего».

Отмечая существующие противоречия между Индией и США, авторы «Стратегии национальной безопасности США» указывают на индийские «ядерную и ракетную программы» и на путь проведения экономических реформ в Индии. (Можно с высокой степенью вероятности предполагать, что, как и прежде, эти замечания Вашингтона в целом будут проигнорированы Индией.)

Относительно КНР в этом американском документе говорится, что «мы приветствуем рост сильного, мирного и процветающего Китая». При этом замечается, что «демократическое развитие Китая является критически важным для его будущего»; авторы этого документа акцентируют внимание на том, что после более чем четверти века с начала процесса реформ «лидеры Китая еще не сделали следующую серию фундаментальных выборов относительно характера их государства».

Важные оговорки сделаны относительно развития военной мощи Китая: «Развивая передовые военные возможности, которые угрожают его соседям в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Китай следует устаревшей модели поведения, которая в конечном итоге будет воздействовать против его собственного национального интереса». Этот тезис был крайне негативно встречен в КНР где его рассматривают как отказ в праве КНР добиваться военно-политического статуса в мировых делах, аналогичного тому, которым обладает США. В «Стратегии национальной безопасности США» скромно говорится о том, что «США доби-

ваются конструктивных отношений с меняющимся Китаем». «Конструктивные отношения» – это не «стратегическое партнерство» с Китаем, которое декларировала администрация Б. Клинтона – предшественница администрации Дж. Буша-мл.; но это и не отношения «соперничества», о которых говорил министр обороны США Д. Рамсфелд применительно к КНР в начале деятельности данной администрации (в начале 2001 г.).

В преамбуле к «Стратегии национальной безопасности США» президент США Дж. Буш-мл. пишет: «США исходят из убеждения, что ни одна страна не сможет построить более безопасный, лучший мир в одиночку. Союзы и многосторонние институты могут мультиплицировать силу свободоловных государств». При этом подтверждена «приверженность» США ООН, ВТО, OAG, NATO. – *The National Security Strategy of the United States. Washington, D.C. September 2002. P. 13, 25–28.*

46. Ежегодник СИПРИ-2004. Вооружение, разоружение и международная безопасность / Ред. колл. Н.А. Симонья, В.А. Мартынов, А.Г. Арбатов, В.Г. Барановский, А.А. Пинаев, А.Н. Калядин, А.Г. Лисов. Пер. с англ. – М.: Наука, 2005. С. 237.
47. См.: Чугров С. Почему обостряются антияпонские настроения в Китае и Южной Корее? // *Мировая экономика и международные отношения*, № 11, 2005. С. 29.
48. См. перепечатку из «Майничи Шинбун» в *Far Eastern Economic Review*, Vol. 168, № 10, Nov. 2005. P. 58–59.

49. *Far Eastern Economic Review*. Vol. 168, № 10, Nov. 2005. P. 12–13.

50. В Организацию стран – экспортеров нефти (ОПЕК), созданную в 1960 г., входят 11 стран: Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Кувейт, Катар, ОАЭ, Ливия, Алжир, Нигерия, Индонезия, Венесуэла. ОПЕК была создана как объединение для защиты общих экономических интересов в отношении с международным картелем крупных нефтяных компаний. Члены ОПЕК образовали официальную международную организацию, в рамках которой они объединили усилия для того, чтобы добиться повышения средномировых цен и увеличения доходов от продажи нефти, что явилось началом глобального противостояния производителей и потребителей энергоресурсов. ОПЕК положила начало межгосударственному регулированию в энергетической сфере применительно к мировому нефтяному рынку.

Среди главных целей ОПЕК – координация и унификация политики; определение наилучших способов защиты индивидуальных и общих интересов; поиск путей и средств стабилизации цен на мировом рынке; обеспечение эффективного и регулярного снабжения стран-потребителей и обеспечение достаточных доходов от инвестиций в нефтяную промышленность.

Членом ОПЕК может стать любая страна со значительным экспортом нефти, имеющая схожие интересы с другими странами-членами, при условии согласия большинства в 3/4 голосов полноправных членом ОПЕК, включая все страны-учредители (Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Ара-

вия и Венесуэла). Таким образом, страны-учредители обладают в ОПЕК особыми правами. Высшим органом организации является Конференция ОПЕК, созываемая не реже двух раз в год. В ней обычно участвуют министры нефти или энергетики стран-членов. Конференция образует совет управляющих (по одному от страны, как правило, это министры нефти), выбирает президента и назначает генерального секретаря. – См.: Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия. Россия и страны мира на рубеже XXI века. Баланс и конфликт интересов. – М.: Наука, 1999. С. 152–153.

Регулирование мирового рынка нефти странами – членами ОПЕК осуществляется путем установления, как правило, поквартального суммарного лимита добычи нефти для стран-членов, корректировки этого лимита с учетом положения на мировом рынке, распределения общего лимита странами-членами и контроля за соблюдением квот. Страны – члены ОПЕК не всегда подчиняются «налоговой» дисциплине организации и нередко идут на их превышение, что приводит к серьезным дебатам и разбирательствам во время регулярных встреч министров в Вене (Жизнин С.З. Указ. соч. С. 154).

Анализ динамики мировых цен на нефть с начала 1970-х гг. показывает определенную связь среднимировых цен с уровнем добычи нефти странами – членами ОПЕК. В начале 1970-х гг. цена на нефть составляла около 5–6 долл. за баррель при загрузке производственных мощностей на 85%; в 1973–1974 гг., когда страны ОПЕК использовали нефтяное эмбарго араб-

ских стран в отношении Запада, произошло резкое повышение цен до 28–30 долл. за баррель при снижении загрузки до 70–75%; в 1981–1983 гг. после событий в Иране страны ОПЕК добились повышения цен до 40–45 долл. путем снижения загрузки до 55–60%; затем влияние ОПЕК на мировой рынок стало падать, во многом благодаря скоординированной политике стран-потребителей в рамках МЭА, а также увеличению добычи нефти странами, которые не являются членами ОПЕК. При росте загрузки до 85% произошло снижение цены на нефть до 17–20 долл., которая держалась до 1997 г. (Жизнин С.З. Там же).

Одной из причин резкого снижения цен на нефть до 11–13 долл. за баррель в 1997–1998 гг. считают решение министерской встречи ОПЕК в ноябре 1997 г. поднять официальные квоты добычи нефти, что соответственно привело к дальнейшему увеличению загрузки добывающих мощностей (Жизнин С.З. Там же).

В 1990-х гг. заметно увеличивается доля стран ОПЕК (Катар, ОАЭ, Индонезия, Нигерия) в экспорте СПГ. Поскольку СПГ не подпадает под квоты, устанавливаемые ОПЕК в отношении нефти и газового конденсата, это дает возможность получать дополнительные доходы, не увеличивая добычи нефти. В то же время секретариат ОПЕК иногда поднимает вопрос о том, чтобы страны ОПЕК не увлекались экспортом СПГ, поскольку это может привести к снижению цен на нефть (Жизнин С.З. Указ. соч. С. 155).

Ряд стран – членов ОПЕК, благополучных в экономическом отношении и обладающих к тому же

крупными запасами нефти, не всегда заинтересованы в наращивании уровня добычи. К ним в первую голову относятся Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, в определенной степени Кувейт. Эти страны имеют весьма тесные связи с США, которые, используя двусторонние отношения с ними, в первую очередь с Саудовской Аравией и Кувейтом, влияют на их позиции в ОПЕК. В то же время ряд членов ОПЕК крайне заинтересованы в увеличении добычи для улучшения своего экономического положения (*там же*).

ОПЕК сотрудничает с созданной в 1988 г. рядом нефтедобывающих стран, входящих в неформальную группу стран – независимых экспортеров нефти... (ИПЕК). Это сотрудничество связано со стремлением ОПЕК и независимых экспортеров взаимодействовать в целях сохранения стабильности и предсказуемости мировых рынков нефти. В работе ИПЕК участвуют 12 стран: Ангола, Бруней, Египет, Йемен, Казахстан, Китай, Колумбия, Малайзия, Мексика, Норвегия, Оман и Россия. ИПЕК не оформлена как организация, не имеет устава и проводит свои совещания поочередно в странах-участницах (хотя США и Канада не входят в ИПЕК, представители американских штатов Техас и Аляска, а также канадской провинции Альберта регулярно участвуют в ее совещаниях). Основная цель ИПЕК – это содействие поддержанию стабильного положения на мировом рынке нефти (посредством обмена информацией, а также диалога между потребителями и производителями нефти) (*Жизнин С.З. Указ. соч. С. 157*).

51. Саудовская Аравия обладает крупнейшими запасами нефти в мире, доказанные запасы которой в середине 90-х гг. составляли около 36 млрд. т, или 26% мировых, а газа – 5,4 трлн. м³, или около 4% общемировых. Страна ежегодно добывает около 430 млн. т нефти, что составляет 12,8% ее мировой добычи (Жизнин С.З. Указ. соч. С. 108). Страна расходует значительные средства на социально-экономические цели, развитие инфраструктуры, оборону и различные программы распространения исламского фундаментализма (там же).

По своему государственному устройству Саудовская Аравия является абсолютной монархией, признанной в исламском мире в качестве хранительницы и страна святынь мест исламской религии, находящаяся на ее территории. Религиозный фактор играет важную роль во внутренней и внешней политике страны. В этой связи модернизация страны и ее социально-экономические программы осуществляются с постоянной отсылкой на базовые религиозно-культурные ценности ислама, чтобы избежать конфликтов и противоречий.

Монарх как глава королевского семейства является фактическим координатором саудовской энергетической политики, которая в основном связана с использованием нефтяного потенциала не только для социально-экономического развития страны, но и достижения важных внешнеполитических целей.

Основные задачи энергетической политики на внутреннем направлении связаны с планами поддержки необходимого для обеспечения эн-

портных потребностей уровня нефтедобывающей промышленности, развития электроэнергетического комплекса, а также нефтехимической индустрии, в том числе в целях экспортной поставки продукции нефтехимии (Жизнин С.З. **Указ. соч. С. 108**).

52. В мировой энергетической индустрии в настоящее время действуют два основных типа хозяйствующих субъектов – частные (агционерные) нефтяные холдинги и национальные нефтедобывающие компании, владельцами которых являются ведущие нефтяные государства. Именно они формируют основную конкурентную группу, ведущую борьбу за разработку новых месторождений в наиболее перспективных проектах. Среди зарубежных энергетических компаний, действующих в нефтегазовой сфере, выделяют 8 частных (ExxonMobil, British Petroleum, Royal Dutch/Shell, ChevronTexaco, ConocoPhillips, Total, ENI, Repsol YPF) и 7 государственных нефтегазовых компаний (Saudi Aramco, National Iranian Oil Company (NIOC), Petrobras de Venezuela (PDV), Pemex (Мексика), Китайская национальная нефтяная компания (CNOOC), Kuwait Petroleum (KPC), национальная компания ОАЭ (Adnoc), которые занимают ключевые позиции на энергетическом рынке. По данным международного агентства «Энерджи Интеллидженс», приводимым П. Карпусом и Д. Бочаровым, на долю этих компаний приходится 57% всех доказанных запасов нефти и более 45% общего объема добычи углеводородов (Карпус П., Бочаров Д. **Стратегия не может быть казенной // Мировая энергетика, № 11. Но-**

вбрь 2005 г. С. 24). По оценке бывшего министра энергетики США Дж. Шлессинджера, практически все дополнительные возможности по наращиванию добычи нефти сосредоточены у национальных (государственных) компаний (**Schlossinger J. Thinking Seriously Future // The National Interest, Number 82, Winter 2005/2006. P. 20**).

53. Правительство Саудовской Аравии (в нем ключевые посты занимает члены королевской семьи) является владельцем всех минеральных ресурсов страны, сохраняет монопольное положение принадлежащих ему компаний. Министерство нефти и минеральных ресурсов страны играет основную роль в проведении внешней нефтяной политики, определенной монархом; основными целями этой политики являются стабилизация цен на нефть, а также развитие сильной и конкурентоспособной нефтяной промышленности с высокой степенью вертикальной и горизонтальной интеграции в стране и за рубежом с тем, чтобы гарантировать более стабильные доходы в бюджет страны. Среди основных компаний страны выделяется «Арамко», которая является самой крупной нефтяной компанией в мире по ресурсно-сырьевому обеспечению и добыче. Компания была образована в конце 30-х гг. как Арабо-американская нефтяная компания («Арамко»), в которой ведущую роль играли американские ТНК «Шеллон», «Тенсано» и другие. В соответствии с королевским указом 1988 г. она была преобразована в Саудовскую нефтяную компанию «Арамко». Среди других саудовских госу-

дарственных компаний можно отметить «Петро-мен», занятую реализацией некоторых нефтяных проектов в стране, «Вела Марин Интернэшнл», специализирующуюся на транспортировке саудовской нефти, и некоторые другие. Саудовская Аравия поддерживает тесное сотрудничество с бывшими партнерами по «Арамко», в основном американскими компаниями, по вопросам экспертизы, нефтегазового сервиса, финансов, менеджмента, маркетинга и др. У нефтяного комплекса Саудовской Аравии некая самостоятельность добычи нефти. Она составляет несколько выше 1 долл. за баррель. Что касается участия иностранных компаний в освоении нефтегазовых месторождений, то Саудовская Аравия предпочитает обходиться без них, отвергая концесси, СРП и т. п. (**Жнанин С.З. Указ. соч. С. 111**).

54. В марте 2006 г. министр экономического развития и торговли РФ Г.О. Греф в качестве ориентира на ближайшие годы назвал цену в 40 долл. за баррель.
55. В последнее время начала устанавливаться система институционализированного взаимодействия между ОПЕК и Россией. На состоявшейся в Москве 26 декабря 2005 г. встрече делегаций, возглавляемых министром топлива и энергетики России Виктором Христенко и президентом Конференции ОПЕК, министром энергетики Кувейта Шейхом Ахмедом Фахдом Аль-Ахмедом Аль-Джабером Аль-Сабахом, были установлены рамки энергетического диалога Россия – ОПЕК, определяющие его цели, масштабы, схемы, график и общую структуру. Принято реше-

ние проводить ежегодные встречи на министерском уровне, а также вести технические обмены, семинары, совместные исследования и разработки. – **Официальный сайт Министерства промышленности и энергетики РФ.** – <http://www.minprom.gov.ru>.

56. В целом ряде стран – нетто-экспортеров нефти руководители энергетического сектора экономики, эксперты, политики говорят о том, что превышение определенного уровня мировых цен на нефть приведет к более интенсивной разработке альтернативных источников энергии; представляется, что для России это не представляет проблемы такого же масштаба, т. е., обладая значительным научно-техническим потенциалом, она сама способна быть среди наиболее значимых стран по разработке альтернативных источников энергии. Однако для этого, в свою очередь, потребуются глубоко продуманная стратегия НИР и ОКР и значительные капиталовложения, тщательно отработанная система кооперационных связей с различными странами.
57. См.: **Косошнин А.А. О явлениях и тенденциях, изменяющих характер международных отношений в первом десятилетии XXI века. Оценки, размышления, рекомендации.** – М.: ИПМБ РАН, 2003. С. 3–6.
58. Одним из важнейших компонентов такой политики должно быть умелое управление (совместно с другими государствами, готовыми быть равноправными партнерами России в обеспечении международной безопасности) политическими рисками в мировой энергетике. Можно выделить следующие типы политических рис-

ков, наглядно проявившие себя на протяжении десятилетий: внутренняя политическая нестабильность, выливающаяся в беспорядки (вплоть до гражданских войн, вооруженных межэтнических конфликтов), способные нарушить добычу или транспортировку нефти, газа; войны и вооруженные конфликты межгосударственного характера в районах нефтедобычи и добычи природного газа и транспортировки; террористические акции в отношении объектов, связанных с добычей нефти, газа, трубопроводов, заводов СПГ, танкеров и т. п.

Особенно опасными для мировой экономики, внутренней стабильности отдельных стран представляются ситуации, когда могут возникнуть одновременно в тех или иных районах мира две кризисные ситуации такого рода (имеющие отношение к мировой энергетике). Очевидно, что, для того чтобы иметь дело с острыми кризисными ситуациями в международной энергетической сфере, ради предотвращения спадов в мировой экономике необходимо заблаговременно отработать международную систему кризисного управления, которая имела бы легитимный характер, выглядела бы приемлемой для всех основных «действующих лиц» в этой сфере. Немаловажным опытом в этом плане обладает парижское Международное энергетическое агентство; однако оно функционирует как орган группы развитых стран – нетто-импортеров углеводородов и воспринимается во многих случаях в странах – нетто-экспортерах этого сырья как организация, отражающая почти ис-

ключительно интересы именно упомянутой группы этих стран.

Политические риски в международной энергетической сфере связаны не только с добычей и транспортировкой углеводородов. Они связаны также с потенциальным проведением террористических акций в отношении объектов электроэнергетики, особенно АЭС (а также в результате военных действий). Многими государствами в последние годы предприняты значительные меры по повышению степени защищенности такого рода объектов, что усиливает эффект сдерживания в отношении террористов, однако следует иметь в виду, что постоянно совершенствуются методы действий террористов. (Ряд авторитетных авторов указывает на то, что даже в США, где после трагических событий 11 сентября 2001 г. были предприняты дополнительные масштабные меры по защите АЭС, меры по их охране не являются адекватными перед лицом не снижающейся террористической угрозы.)

Применительно к ядерной энергетике все более важной темой становится недопущение получения экстремистами, использующими террористические методы, расщепляющихся материалов, которые могут быть использованы для создания ядерного боезаряда или «грязной бомбы» (в условиях резкого возрастания мировой цены на нефть в ближайшее время мы можем наблюдать очередной цикл экспансии атомной энергетик, увеличения ее веса в энергобалансе многих стран).

Минимизация такого рода рисков, развитие соответствующей системы управления рисками и

может рассматриваться как один из важнейших компонентов обеспечения международной энергетической безопасности. Многими специалистами степень безопасности определяется в категориях вероятности соответствующих инцидентов (увеличивающих политические риски) – чем выше такая вероятность, тем ниже уровень безопасности. – См., например: **Exploration of Future Risks of the Global Market for Oil, Coal and Uranium**. <http://www.oxfordenergy.org/pdfs/SP16.pdf>.

Управление рисками имеет как экономическое, так и политическое значение. В экономическом измерении – снижение издержек для экономики конкретных стран, в политическом – предотвращение социально-политических кризисов внутри отдельных стран и предотвращение конфликтов между отдельными странами (можно иметь в виду несколько типов таких конфликтов – между нетто-экспортерами и нетто-импортерами; между самими странами – нетто-экспортерами и внутри группы нетто-импортеров).

59. **Современный политологический словарь**. – М.: Издательский дом Nota Bene, 2000. С. 862.
60. **Энциклопедический словарь**. – СПб.: Акц. об-во «Издательское дело»; Бронхауз – Ефрон, 1901. Т. XXXI A (62). С. 893.
61. **Большая советская энциклопедия** / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1976. Т. 25. С. 26.
62. **Современный политологический словарь**. С. 862.
63. Заслуживает внимания анализ взглядов Бодена, представленный в работе **Догтирева М.И.**

- Разработка понятия «суверенитет» Жаном Боденом // Полис. 2000. № 3.
64. Bodem J. *On Sovereignty: Four Chapters from Six Books of the Commonwealth*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 124–125.
65. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре // Руссо Ж.Ж. Тракаты / Пер. с франц. А. Хаютина, В. Алексеева-Попова; Послесл. А. Филиппова; Комментар. В. Алексеева-Попова, Л. Борщевского. – М.: TERRA – Книжный клуб; КАНОН-Пресс-Ц., 2000. С. 216.
66. Там же.
67. Там же. С. 217.
68. Там же. С. 221.
69. Валлерстайн И. Указ. соч. С. 83.
70. Современный политологический словарь. С. 862.
71. Там же.
72. Лютер Мартин. 95 тезисов / Сост., вступит. статья, примеч. и коммент. Н. Фокина. – СПб.: Роза мира, 2002. С. 41–42.
73. Там же. С. 81.
74. Вестфальский мир одновременно означал возвышение Швеции, оказавшейся в числе главных победителей Тридцатилетней войны. Швеция, помимо контрибуции в 5 млн. талеров, получила от Священной Римской империи остров Рюген, всю Западную и часть Восточной Померании с городами Штеттин и Висмар, а также секуляризованное епископство Бремен и епископство Верден; в ее владения вошел целый ряд важнейших гаваней не только Балтийского, но и Северного моря. Швеция как владелица германских княжеств стала членом империи, получила право посылать своих

- депутатов на имперские сеймы. Наряду с Францией она была объявлена одним из двух главных гарантов выполнения Вестфальского мира.
75. См.: История дипломатии / Под ред. П. Потемкина. – М.: ОГИЗ-ГСЭИ, 1941. Т. 1. С. 210–212.
76. Энциклопедический словарь. С. 893.
77. Там же.
78. Большая советская энциклопедия. – М., 1976. Т. 25. С. 25, 26.
79. Новая философская энциклопедия. – М., 2003. С. 546.
80. См.: Популярный юридический энциклопедический словарь / Ред. колл. О.Е. Кутафин, В.А. Туманов, Н.В. Шмаров. – М.: Изд-во «Большая российская энциклопедия», 2000. С. 203.
81. Лавров С.В. Демократия, международное управление и будущее мироустройство // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 6 (ноябрь – декабрь). С. 15.
82. Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М.: Гардарики, 2004. С. 312.
83. Там же. С. 313.
84. Хрусталева М.А. Политология и политический анализ // Богатуров А.Д., Космополов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М.: ИОФМО, 2002. С. 25–26.
85. Там же. С. 26.
86. Там же.
87. Приманов Е.М. ООН: вызовы времени. Новые и традиционные угрозы безопасности людей и страны // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 5 (сентябрь – октябрь). С. 62.

88. См. подробнее: Кокошкин А.А. (рун. колл.), Герасов М.И., Давыдов А.Ю., Ивактер В.В., Косонофтонов М.И., Лисе А.В., Маслов К.В. и др. Промышленная политика и национальная безопасность России. – М.: ИПМЕ РАН – МИРИ, 2001.
89. Выступление главного редактора журнала «Эксперт», директора Института общественного проектирования В.А. Фадеева на экономической конференции «Модернизация России. Развитие Сибири и Дальнего Востока» в Красноярске 25 ноября 2005 г. С. 7.
90. Россия в нарождающейся глобальной экономике занимает весьма специфическое место. Страна участвует вместе с наиболее развитыми государствами в освоении космоса. Российская культура продолжает вносить большой и достойный вклад в развитие мировой цивилизации. Российская наука сохраняет немалый потенциал и способность к возрождению в качестве мощной силы экономического развития страны. Вместе с тем по степени освоения рыночных принципов хозяйственной жизни, институтов и механизмов рынка, правил цивилизованной конкуренции, эффективности партнерского взаимодействия государства, бизнеса и населения Россия находится еще в начале пути, который развитые страны проходили столетиями и который нашей стране надо суметь пройти за какой-то один-полтора десятилетия. Многие социально-экономические проблемы России приходится решать, как говорится, на марше, во время движения к рыночной экономике и демократическому обществу. Политическим деятелям, опы-

тывающим постоянное давление неоплохлых проблем, и населению, вынужденному вести борьбу с экзистенциальными трудностями, предоставляется мало возможностей, чтобы, как говорил поэт, «остановиться, оглянуться...», взвесить предполагаемые решения и их последствия. – **Промышленная политика и национальная безопасность. С. 29.**

Эксперты российской Лиги содействия оборонным предприятиям отмечают, что за время существования СССР был создан научно-технический потенциал мирового класса и развитая сеть научных и конструкторских организаций, практически полностью обеспечивавших потребности страны. На конец 1988 г. в СССР было 5111 научных учреждений различного уровня (включая вузы), в том числе 3250 НИИ, их филиалов и отделений. Считалось, что научными исследованиями занималось свыше 1 млн. 500 тыс. высококвалифицированных специалистов, среди них 50 тыс. докторов наук и более 490 тыс. кандидатов. В 1989 г. в стране законченное высшее образование имели 23 млн. человек (из них работали 20,2 млн.), среднее специальное образование имели 38,6 млн. человек (работали из них 33,1 млн.).

Указанных специалистов готовили более 960 вузов различного профиля, в которых в 1988/1989 гг. обучалось 5 млн. 178 тыс. человек, в том числе на дневных отделениях 2 млн. 991 тыс. человек, на вечерних – 282 тыс. человек и заочно обучались 1 млн. 126 тыс. человек.

Большая часть научно-технического потенциала страны была сконцентрирована в оборон-

ном комплексе. Так, в 1990 г. из общего объема выполненных в стране НИОКР в размере 23 075 млн. руб. на долю оборонного комплекса пришлось 18 264 млн. руб. (79%). При этом объем работ непосредственно в интересах обороны составил 12 464 млн. руб., т. е. 53% общего объема выполненных в стране НИОКР. Силами оборонного комплекса в интересах гражданской части народного хозяйства страны было выполнено работ на 5800 млн. руб., или около 38% всего объема выполненных комплексом НИОКР.

Конечно, идеализировать картину не следует. В те времена системе подготовки и использования научных и инженерных кадров был свойствен целый ряд существенных недостатков и специфических особенностей, без учета которых приведенные выше цифры и перспективная роль российского «человеческого капитала» в обеспечении экономического роста будут оцениваться не вполне объективно (**там же**, С. 71–72).

Так как Россия – не развивающаяся страна, впервые вступающая на путь индустриализации, а держава с многовековым опытом индустриализации, то поиск приемлемых решений в сфере промышленной политики неизбежно требует учета исторического опыта создания этой промышленности и ее современной технологической, экономической и организационно-правовой структуры. Россия унаследовала от СССР чрезвычайно высокую долю промышленности в ВВП и чрезвычайно высокую роль оборонных производств в составе промышленности.

В 1990 г. доля промышленного производства в ВВП составляла 86%.

Важно отметить и методологические изъяны в расчете ВВП в советской экономике. Считалось, что только материальное производство является создательным. Деятельность в сфере услуг считалась непродуцительной, а сама эта сфера якобы существовала за счет перераспределения в ее пользу продукта, произведенного в материальном производстве. Поэтому размер ВВП в советской экономике всегда был занижен, так как не включал услуг. С другой стороны, расчетный размер ВВП в те времена был существенно завышен вследствие практики приписок и больших масштабов скрытой инфляции. Наконец, по своему наполнению, из-за высокого уровня содержания продукции военного назначения, показатель ВВП мало отвечал реальной величине произведенной полезной продукции для общества.

В количественных показателях СССР по производству многих видов продукции – в основном сырьевой и продукция первого передела – занимал одно из лидирующих мест в мире. Так, в 1990 г. по производству электроэнергии СССР входил в четверку крупнейших мировых производителей и вырабатывал электроэнергию примерно столько же, сколько Япония или Китай, однако почти втрое меньше, чем США. СССР был крупнейшим производителем газа, угля, чугуна, стали, цемента. СССР производил льна и льноволокна больше, чем все остальные страны вместе взятые (там же, с. 56–57).

Оставляя в стороне военную сферу развития, можно отметить, что Советский Союз был мно-

вером в мирном освоении атомной энергии, входил в число лидеров в создании гражданской реакторной авиации (Ту-104), в создании судов на подводных крыльях, имел крупные достижения в электроэнергетике, в оптике (в т. ч. в производстве фотоаппаратов в 60-х гг.), в точной механике (в т. ч. в производстве наручных часов) и в ряде других сфер. В начале 60-х гг. Советский Союз находился на самых передовых рубежах развития электронно-вычислительной техники. Однако позднее были приняты принципиально неверные стратегические решения, в результате которых до сих пор продолжается спад. Но также достижения, определяющие облик цивилизации последней четверти XX века, как персональные компьютеры, телекоммуникационные сети, копировальные машины, телефаксы, видеокамеры и видеопроигрыватели, электронная почта, оказались созданными практически полностью за пределами СССР (там же. С. 19).

91. Богатуров А.Д. Стратегия перемальвания во внешней политике США // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М.: ИОФМО, 2002. С. 367.
92. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). – М.: ФГУП «Известия», 2005. С. 6.
93. Среди наиболее интересных публикаций на тему «суверенной демократии» можно прежде

всего отметить статью В.Т. Третьякова. – См.: Третьяков В. Суверенная демократия // «Независимая газета». 28 апреля 2005 г. (<http://www.jrg.ru/2005/04/28/tretjakov.html>). См. также: Сурков В.Ю. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. С. 12.

94. Такого же рода идеологизация проблем демократизация государства, политической системы произошла и во многих других странах постсоветского пространства, что, в частности, весьма рельефно проявилось в 2004–2005 гг. на Украине.
95. В современных условиях России в результате энцессов в развитии политической демократии в стране в 1990-х гг. у значительной части населения само употребление термина демократия стало непопулярным, тем более что она в реальной жизни на деле означает высокую степень ответственности граждан, к чему многие оказались не готовы. Защищая идею демократии, В.Ю. Сурков отмечает: «Необходимость демократии очевидна, ведь только общество, основанное на соревновании и сотрудничестве свободных людей, может быть эффективным и конкурентоспособным. Поэтому если в обществе снижен уровень соревновательности, если оно не воспроизводит все время эффективный лидирующий класс, то у этого общества не получится ничего. Кроме того, немаловажный прагматический момент: если мы не будем открытым демократическим обществом, если мы не будем обществом, интегрированным в мировую экономику, в мировую систему знаний, то мы не по-

лучим доступа к современным технологиям Запада... Наконец, мне кажется, в демократическом обществе жить все-таки комфортнее... Мне кажется, оно более приятно для жизни». – **Сурнов В.Ю. Указ. соч. С. 7.**

96. На Россию продолжают оказывать разноплановое воздействие в пользу того, чтобы не происходило возрастание роли государства в экономике. Примером этого можно считать представленное на ежегодном заседании Всемирного экономического форума в Давосе 28 января 2008 г. исследование о возможных вариантах развития России на ближайшие 20 лет. Эта работа, подготовленная специалистами ВЭФ в сотрудничестве с экспертами из России и других стран, рассматривает три сценария. Мрачная картина нарисована в сценарии, который эксперты условно назвали «Нефтяное проклятие». Согласно ему, Россия продолжает очень сильно полагаться на природные ресурсы. Высокие цены и спрос на нефть приводят к тому, что инвестиции в общественную инфраструктуру игнорируются, в частности, ввиду неэффективного руководства. Результатом были бы замедление роста, бегство капиталов, растущая коррупция, отсутствие долгосрочной социальной политики. На международной арене Россия ощутила бы себя к 2025 г. в растущей изоляции. Другой сценарий – «Долгий марш» – носит нан бы промежуточный характер. Россия продолжает зависеть от экспорта сырья, что препятствует полноценному развитию других секторов экономики. Происходит, однако, постепенный переход к управлению на основе верховенства права. По этому

сценарию страна может достичь относительного процветания, но не исключено и менее благоприятное развитие ситуации. Впрочем, на международной арене Россию к 2025 г. считали бы стабильным и надежным поставщиком нефти. Третий сценарий, озаглавленный «Возрождение», предполагает продвижение после периода экономического спада и политических неурядиц все более масштабных реформ. Реформы в сфере управления и рыночных отношений обеспечивают рост ВВП и реальных доходов, улучшение качества жизни населения. Государство постепенно уходит из экономики, поощряется диверсификация в сторону развития неэнергетического сектора, снимаются торговые барьеры (выделено мной. – А. К.). За рубежом Россия позиционирует себя к 2025 г. как «двигатель роста» в Евразии и крупная держава, способная выступить противовесом США и Китаю. Представлявшая на форуме сценарий «Возрождение» президент компании «Майкрософт» в России и СНГ Ольга Дергунова заявила корр. ИТАР–ТАСС, что верит в возможность такого будущего для РФ, но считает, что для достижения цели одной веры недостаточно – «необходима каждодневная работа через взаимодействие общества, бизнеса и власти». «Ни один из обсуждавшихся сценариев мне не нравится», – сказал корр. ИТАР–ТАСС председатель совета директоров компании «Тройна Диалог» Рубен Варданян. – Очевидно, что страна сегодня проходит этап взросления и осознания, что капитализм – непростой процесс. Но дискуссии о том, будет ли в России «откат назад», будет ли у нас «спираль»

«ли не будет, мне кажется, все это – неправильная парадигма дискуссии». Нужно искать ответ на вопрос о том, «как сделать так, чтобы Россия была лидером в XXI веке – с точки зрения знаний, технологий, умения, и чтобы эта огромная страна была эффективно управляемой», считает Варданян (ИТАР–ТАСС. Лента –ТАСС. Мир и мы». 31.01.06). Можно заметить, что действительно в данном исследовании представлена «неверная парадигма»: отход от сырьевой, «углеводородной» экономики в России возможен лишь при активной роли государства.

97. Выступая на VI съезде партии «Единая Россия» в Красноярске, председатель партии Б.В. Грызлов сказал: «Необходимо расширение государственных инвестиций в те сектора, куда мы пока не можем привлечь частный бизнес, – прежде всего в инфраструктуру, наукоемкие и капиталоемкие отрасли. При этом государственные расходы должны быть ориентированы на привлечение средств из других источников, являясь гарантией последовательности инвестиционной политики. Должны быть определены и объемы финансирования отраслей, куда мы не планируем допускать негосударственных инвесторов». – Грызлов Б.В. От стабилизации к развитию: политические приоритеты партии «Единая Россия». 26.11.2005. Официальный сайт партии «Единая Россия». С. 11. <http://www.edipogov.ru/news.html?id=109233>.
98. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании Совета безопасности РФ 22.12.05. <http://president.kremlin.ru/text/appears/2005/12/99294.shtml>;

Интервью министра промышленности и энергетики Виктора Христенко – «Итоги», 12 декабря 2005 г. С. 15.

99. Zweig D., Lianhai B. China's Global Hunt for Energy. // *Foreign Affairs*, September/October 2005. Vol. 84. No. 5. P. 26–27.
100. Одной из наиболее острых проблем для России в деле перехода к другой структуре экономики, предполагающей более высокую долю обрабатывающей (и прежде всего наукоемкой) промышленности, является дефицит достаточно качественно отработанных проектов, бизнес-планов.
101. В информационно-технологический комплекс включают, в частности, полупроводниковую промышленность, электронно-вычислительное машиностроение, производство контрольного оборудования и техники связи, а также компьютерные услуги и услуги связи. В 1990-х гг. эти отрасли стали мощной движущей силой экономического роста и потеснили традиционные отрасли, определяющие цели развития экономики. Исследования последних 10–12 лет выявили тенденцию к постепенному переходу от трехсекторной модели хозяйства (сфера услуг, промышленность и сельское хозяйство) к четырехсекторной, предусматривающей выделение дополнительного информационного сектора, объединяющего занятых обработкой и передачей информации.
102. Цель государственного участия – конкурентоспособность на мировом рынке, а не включение государства в конкуренцию с бизнесом внутри страны. Государственное участие в эконо-

мике должно обеспечить национальную конкурентоспособность, должно поддерживать экспорт высокотехнологичной продукции и продуктов переработки сырья; поддерживать производства, в том числе сельскохозяйственные, способные конкурировать с импортом», – говорил в своем докладе на VI съезде партии «Единая Россия» ее председатель Б.В. Грызлов (**Грызлов Б.В. Указ. соч. С. 12**). Б.В. Грызлов отметил, что использование средств Инвестиционного фонда в 2006 г. должно стать «своего рода пилотным проектом, с учетом итогов которого мы будем планировать дальнейшие, более масштабные действия» (*там же*).

103. Каждое государство, соответствующее общество одновременно существует в нескольких пространственно-временных системах координат, что особенно наглядно проявляется в условиях глобализации. Во-первых, это общемировая глобальная система координат; во-вторых, это система координат, специфичная для определенного региона, в котором находится данная страна; в-третьих, это пространственно-временные координаты для конкретной страны. При рассмотрении положения страны в современном мире следует учитывать каждую из таких систем координат, присущее им разное историческое время.
104. Успех послевоенных преобразований в ряде стран Западной Европы, а вслед за этим, с интервалом в два-три десятилетия, в группе стран развивающегося мира был обеспечен в первую очередь благодаря их собственным усилиям по реконструкции экономики, созданию и ускорен-

ному развитию передовой промышленности. Эти страны проводили активную промышленную политику, направленную на ускоренное развитие критически важных для экономики отраслей промышленности, модернизацию национального хозяйства и повышение на этой основе благосостояния населения. Именно собственные усилия данных стран служили основой привлечения внешнего содействия (в том числе в виде «плана Маршалла») и гарантией того, что это содействие будет использовано эффективным образом (см.: **Промышленная политика и национальная безопасность. С. 21**).

В свое время Япония, а затем Южная Корея сделали упор в своем развитии на сталелитейное производство, развитие гражданского судостроения, особенно на производство супертаннеров, затем автомобилей, а затем уже современной бытовой электротехники, электроники, оптических средств связи; все это происходило при активной поддержке государства и отражалось в пропорциях предоставлявшихся государством ведущим компаниям и отраслям льготных кредитов, в пропорциях выделявшихся государством средств на НИОКР; результатами научно-технических достижений лидеров затем активно пользовался свободно частный сектор (см.: **Промышленная политика и национальная безопасность. С. 20**).

105. Успех Японии в создании за короткий исторический срок совершенной и конкурентоспособной промышленной структуры стал выдающимся примером в мировой истории. Своей эффективной промышленной политикой Япония бросила вызов историческому опыту других западных стран.

Источники успеха, достигнутого Японией, могут быть отнесены к послевоенному периоду правления американской военной администрации. Покровительство победителей дало возможность побежденным построить эффективную экономическую политику на основе анализа сильных и слабых сторон каждой отрасли японской экономики в сравнении с мировыми достижениями.

Группа талантливых администраторов в Исследовательском управлении МНД Японии сразу после войны начала широкое обсуждение путей и методов восстановления и перестройки экономики. Она правильно предугадала основные направления и принципы послевоенного экономического развития. Группа выпустила подробный доклад, в котором утверждалось, что все страны, даже Великобритания и США, в той или иной степени будут вынуждены планировать свое экономическое развитие в будущем. Чтобы обеспечить достойное положение Японии в мире, основными целями нации должны стать повышение уровня жизни и стимулирование международной торговли. Несмотря на потерю многих территорий, отсутствие сырья, большую зависимость от внешней торговли, феодальных условий труда, Япония обладала и сильными сторонами для своего развития, в первую очередь – человеческими ресурсами. Япония выбрала такое направление промышленной стратегии, которое основывалось на сочетании централизованного планирования и частной собственности в ключевых секторах экономики при условии демократического контроля над частным бизнесом.

Характеризуя стиль экономического развития Японии, известный экономист лауреат Нобелевской премии В.В. Леонтьев относил ее к лучшим в мире образцам оптимального сочетания частного предпринимательства и государства. По словам Леонтьева, «в Японии есть частная инициатива, но и государство играет большую роль, влияя на развитие экономики в лучшем направлении. Из всех капиталистических стран, у которых можно в настоящее время чему-то поучиться, я бы выбрал не США, а Японию» (**Промышленная политика и национальная безопасность. С. 27**).

После войны Япония постоянно разрабатывала планы развития промышленности. Целью промышленной политики правительства в растущих секторах экономики ставилась задача усилить сигналы и стимулы, создаваемые самим рынком. Соответственно японское правительство активно поддерживает научные исследования и разработки, инвестиции и экспорт и при этом не вмешивается в конкурентную борьбу между компаниями на внутреннем рынке. Финансовая поддержка промышленного прогресса обеспечивается через знаменитое министерство внешней торговли и промышленности, министерство финансов, через Японский банк развития, Промышленный банк Японии, а также косвенно через коммерческие банки. Кроме того, министерство внешней торговли и промышленности часто помогало выборочно, поддерживая некоторые проекты НИР и технологий из числа тех, которые предлагаются крупными компаниями приоритетных секторов про-

мышленности. Один проект мог получать сотни миллионов долларов на несколько лет. Правительство также обеспечивало налоговые льготы и льготные кредиты. По плану на 1970-е и 1980-е гг. государство поддерживало более 20 отраслей промышленности.

Реализация промышленной политики в Японии осуществлялась с помощью общих для всех стран инструментов: льготных займов, субсидий, прямого вмешательства государства в экономику (например, путем поддержки перспективных НИОКР). Но при этом Япония использовала все эти инструменты таким образом, что частному бизнесу было достаточно ясно, к каким конечным результатам стремится правительство, какие факторы оно при этом учитывает и какие допущения делает, в том числе по развитию ситуации на мировом рынке.

Несмотря на большой объем работы государственных чиновников и большое влияние правительственной бюрократии на экономику, самих бюрократов насчитывается не так уж много. В правительственных учреждениях работает только миллион сотрудников, а также три миллиона на уровне префектур. На тысячу человек занятого населения доля чиновников составляет в Японии 17,1% против 20,2% в Великобритании и 22,5% в США. Среди министерств, ведающих экономикой и управлением, в Японии длительное время ведущую роль играли министерство финансов и министерство внешней торговли и промышленности (МВТП). В обоих министерствах работали широко признанные эксперты, и поэтому репута-

ция их аппарата в целом была весьма высокая. Фактически успех государственной промышленной политики (вплоть до начала 90-х гг., когда темпы роста Японии резко упали в связи с исчерпанием возможностей тех факторов, которые действовали в предыдущие десятилетия) во многом определялся интеллектуальным превосходством аналитических подразделений госаппарата над частнопредпринимательским сектором.

Специфика действий японских министерств заключается в том, что, как правило, министерство финансов придерживается более либеральной и менее протекционистской позиции, в то время как МВТП стало почти синонимом протекционизма и квот. МВТП к тому же проводит курс на активное вмешательство государства в экономические вопросы, и в силу его особой роли в разработке и формировании промышленной политики оно в большей степени фокусирует внимание на стратегии отдельных отраслей. Министерство финансов имеет и более широкий взгляд на потребности развития общества и предпочитает действия общего экономического характера (см.: **Промышленная политика и национальная безопасность. С. 27–29**).

106. В промышленной политике Южной Кореи на протяжении двух десятилетий после начала реформ четко выделяются четыре этапа: 1962–1964 гг., 1965–1973 гг., и период с 1980 г. до кризиса 1998 г. На первом этапе страна осуществляла политику замены импорта внутренним производством. Инвестиции были направлены в такие отрасли, как производство

цемента и удобрений и нефтепереработка. Ежегодный прирост составлял в среднем 6,9%, но сопровождался значительной инфляцией. Вскоре, уже в начале 60-х гг., эта политика исчерпала себя из-за сравнительно небольшого размера внутреннего рынка, значительных потребностей в капитале и ограничений в области валютных операций на конвертацию отечественной валюты, а также в результате уменьшения американской помощи. В значительной степени под давлением этих обстоятельств Южная Корея приняла промышленную стратегию, ориентированную на внешние рынки, которая во многом действовала и на протяжении последующих этапов.

Еще в 1961–1963 гг. в Южной Корее были созданы три суперминистерства, занятых вопросами экономики. Первым ведомством стал Совет экономического планирования, который отвечал не только за разработку плана, но также и за его выполнение через распределение бюджетных средств, координацию мероприятий, связанных с иностранной помощью, стимулирование иностранных инвестиций. Позднее этот совет стал также заниматься всеми основными государственными и частными проектами, на которые могли быть отпущены государственные средства. Руководителем совета был вице-премьер, курировавший работу всех остальных экономических министерств. Таким образом, сам премьер-министр практически был освобожден от непосредственного руководства промышленным развитием. Фактически вице-премьер и аппарат президента являлись основным

и прямым каналом управления промышленностью страны.

Одним из ведущих государственных ведомств стало министерство торговли и промышленности, во многом подобное японскому МВТП; первоначально его роль была определена стратегической важностью внешней торговли и индустриализации. С течением времени, когда процесс индустриализации пошел успешно, стали образовываться управления и новые министерства, в том числе министерство энергетики и ресурсов, отпочковавшееся от министерства торговли и промышленности. Образовывалось множество квазигосударственных организаций, ответственных перед министерством торговли и промышленности и занимавшихся вопросами торговли и промышленного развития.

Важное значение имело министерство строительства, созданное в 1983 г. Оно разрабатывало планы развития производства строительных материалов и инфраструктуры, в том числе промышленных объектов, городов, жилищного строительства, дорог, портов и т. д., за исключением железных дорог. Учитывая привлечение огромных средств на создание и поддержание инфраструктуры, это министерство вскоре превратилось в один из главных институтов экономического развития.

Следует отметить, что количество правительственных чиновников не увеличивалось, несмотря на усложнение процесса экономических реформ и промышленного развития. Это привело к тому, что повышалась роль квазиправительственных организаций, которые непосредствен-

но взаимодействовали с министерством торговли и промышленности. Квазиправительственные организации обеспечивали постоянную связь между государством и бизнесом. В качестве неотъемлемой части перестройки экономики правительство распорядилось, чтобы все зарегистрированные фирмы объединялись в такие деловые организации.

Среди ведущих квазиправительственных организаций в Южной Корее следует выделить несколько главных.

Корейская корпорация поддержки торговли (ККПТ), созданная в 1962 г. и сыгравшая исключительную роль в первоначальном развитии южнокорейского экспорта. Ее представители при тесном сотрудничестве с посольствами и консульствами страны ездили по всему миру и изучали потенциальные рынки для существующей продукции. Они также давали рекомендации отечественным производителям о товарах, которые следовало разрабатывать и производить. Эта организация оказала значительную помощь в обучении торговых работников страны, в том числе иностранным торговым законам и правилам.

Корейская ассоциация торговцев (КАТ) была создана как частная организация промышленников-экспортеров, в отличие от ККПТ, которая напрямую подчиняется министерству торговли и промышленности. Но затем с 1961 г. у нее настолько развилась связь с правительством, что она получила право получать для своих нужд 0,55% стоимости экспорта. Взамен она должна финансировать деятельность ККПТ и быстро рас-

ширять ее представительство за рубежом. Разумеется, возможность иметь такое большое средство привела к значительному усилению мощи и влияния ассоциации, которая также обеспечивает своим членам услуги в сфере информации, страхования, экспертных рекомендаций. Ассоциация организует встречи своих компаний-членов для обсуждения общих проблем и затем дает соответствующие рекомендации министерству торговли и промышленности, другим организациям. Она также имеет полномочия выдавать сертификаты на торговлю, импортно-экспортные лицензии и т. д. Правительство Южной Кореи рассматривает ассоциацию как один из своих органов. Вместе с тем, представляя взгляды своих членов, она так же, как и другие подобные ассоциации, является форумом частного бизнеса (см.: **Промышленная политика и национальная безопасность. С. 35, 38–40**).

107. **Фадеев В.А. Указ соч. С. 16–17.**

108. Основные характеристики российского природно-ресурсного потенциала можно определить далее Россия в мировых запасах важнейших ископаемых: нефть – 13%; природный газ – 35%; уголь – 12%; железо и олово – более 27%; медь – 11%; свинец – 12%; цинк – 10%; никель – 30%; кобальт – 20%; металлы платиновой группы – 40% (см.: **Рундквист Д.В. Природные национальные богатства России и их использование. Доклад в Миннауки РФ 8 февраля 2000 г. – М.: Изд. Миннауки, 2000. Приложение. С. 1, 2**).

На добыче и разведке полезных ископаемых в России занято около двух миллионов чело-

вен, производится не менее 25% ВВП, обеспечивается около 59% валютной выручки от внешней торговли. Население России – 3% от мирового населения; Россия занимает 12,5% территории суши в мире, имеет 22% мировых лесных ресурсов, 20% мировых ресурсов пресной воды (поверхностные и подземные воды), 30% площади мировых шельфов. В России сосредоточено также 14% урана, 11% мировых гидроресурсов. – Рундквист Д.В. Указ. соч. С. 2; Некрасов А.С. Экономические проблемы и перспективы российской энергетики. Доклад на общем собрании РАН 20 декабря 2005 г. С. 5.

109. В 2004–2005 гг. у России стала формироваться все более рельефная политика по обеспечению национальной и международной безопасности в энергетической сфере, ориентированная на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Среди основных компонентов этой политики: 1) усиление национального контроля за использованием недр, содержащих углеводороды (в рамках нового подхода к использованию недр в целом); 2) формирование нескольких российских энергетических компаний как глобальных компаний (прежде всего «Газпрома» как глобальной диверсифицированной энергетической (нефтегазовой) компании); 3) диверсификация путей транспортировки добываемой в России и других странах СНГ нефти и газа на внешние рынки практически «по всем азимутам»; 4) содействие обеспечению стабильности и безопасности в районах за пределами России, связанных с добычей и транспортировкой нефти, в первую очередь на

- постсоветском пространстве (в том числе за счет деятельности ОДКБ, ШОС, ряда структур СНГ); 5) расширение сотрудничества по стабилизации мировых цен на нефть как с нетто-экспортерами, так и с нетто-импортерами углеводородов; 6) активный выход «Газпрома» на мировой рынок сжиженного природного газа (СПГ) с приоритетом североамериканского рынка; 7) переход на мировые цены на углеводороды с теми постсоветскими странами, правительства которых не планируют полномасштабного участия в интеграционных объединениях с участием России.
110. Приоритетность этого направления обозначена в резолюции VI съезда партии «Единая Россия», проходившего в ноябре 2005 г. – См.: **Материалы VI съезда партии «Единая Россия»**, <http://www.edinoros.ru/news.html?id=109233>.
111. См.: **Пресс-конференция Президента РФ В.В. Путина для российских и иностранных журналистов, 31 января 2006 г.** – www.kremlin.ru.
112. Россия, вместе с США и Китаем, входит в число трех первых в мире стран по производству и потреблению первичных энергетических ресурсов. Но только Россия одновременно является первым по газу и вторым по нефти экспортером энергетических ресурсов. Топливо-энергетический комплекс РФ в значительной степени ориентирован на экспорт своей продукции. По ряду оценок, в 2005 г. Россия направляла за рубеж более половины добытой сырой нефти, свыше 2/5 произведенных нефтепродуктов, около 1/3 газа и 1/4 угля. Валютная выручка от товаров ТЭК в 2004 г. составила свыше половины стоимости экспорта страны. При этом основ-

ными источниками валютных поступлений являются нефть, газ и нефтепродукты.

Возрастанию роли России в мировой энергетике способствует изменяющаяся роль природного газа за счет быстрого совершенствования комплекса технологий производства и транспортировки сжиженного газа, в результате чего природный газ, как отмечалось выше, все больше становится столь же «мобильным» видом топлива, что и нефть.

К середине первого десятилетия XXI века Россия в 90% по нефти и 100% по газу замкнута на одном рынке – европейском. Причем на ряде сегментов этого рынка, в частности в Восточной Европе, из-за несправедливых торговых скидок российские компании теряют порядка 6–7 млрд. долларов ежегодно, продавая нефть с дисконтом. По ряду оценок, переориентация поставки нефти марки Uralis из России и других стран СНГ на азиатские рынки может довести цену этой марки нефти до уровня цены на нефть марки Brent. В целом в России сложилось четкое понимание того, что ориентация на Европу как на единственного потребителя себя исчерпала.

В целом ряде районов добычи нефти и газа, прохождения нефтепроводов в России остро стоит проблема экологии. В частности, в связи с серьезными экологическими соображениями в России на протяжении ряда лет активно дебатруется вопрос о трассе ВСТО (особенно о прохождении ее к югу от Байкала) (Голубева С. Ловушка по имени ВСТО. – Сайт журнала «Мировая энергетика». <http://worldenergy.ru/>

mode (декабрь 2005 г.); см. также сайт RUSENERGY. <http://www.rusenergy.com/projects/a2912005.htm>).

В 2003 г. правительство Российской Федерации одобрило «Энергетическую стратегию России до 2020 г.». По этому документу предусматривалось, что при благоприятной ситуации на рынках и цене на нефть 22–26 долл. за баррель добыча нефти достигнет к 2010 г. 490 млн. т, к 2020 г. – 520 млн. т, добыча газа достигнет 665 млрд. м³ в 2010 г. и 730 млрд. м³ в 2020 г. (См.: Осокина И. (заместитель министра экономического развития и торговли РФ). Доклад на конференции «СERA-2004», Хьюстон, Техас, США, 10 февраля 2004 г.) По ряду официальных оценок, до 2013–2015 гг. эти уровни добычи углеводородов могут быть полностью обеспечены на открытых и разведанных на начало XXI века месторождениях.

Россия – производитель не только углеводородов, но и страна развитой электроэнергетики, в том числе атомной энергетики, производящая соответствующее оборудование не только для себя, но и на экспорт. Доля основных первичных источников энергии в энергетическом балансе России выглядит следующим образом (по состоянию на 2003 г.): природный газ – 46%, нефть – 34%, уголь – 14%, гидроэнергетика – 4%, атомная энергетика – 2%. (Фортов В.Е., Шмилерман Э.Э. Энергия и энергетика. – М.: Буков, 2004. С. 24). В энергогенерации доля АЭС в России составляет 16–17%.

Для развития АЭС в России имеется солидная база в прикладной и фундаментальной науке.

В том числе имеется значительный задел по развитию ядерной энергетики будущего – реакторов на быстрых нейтронах с замкнутым топливным циклом. В России имеется огромный опыт эксплуатации крупнейших в мире по протяженности, сложности энергетических систем – Газпром, РАО ЕЭС.

Особенностью России является то, что российская система газоснабжения, которой оперирует «Газпром», была изначально спроектирована как единая система на огромном евроазиатском пространстве, причем в значительной степени под влиянием потребностей внешнего рынка (Центральная, Восточная и Западная Европа). По оценкам экспертов, надежность такого рода единой системы выше, чем та, которая формируется в рамках ЕС и отдельных национальных систем транспортировки газа по трубопроводам. У этой системы в том числе имеется большое число подземных хранилищ, что повышает устойчивость всей системы; она позволяет в том числе осуществлять маневр газовыми ресурсами. В последние годы «Газпром» предпринял ряд важных усилий по развитию этой системы, доставшейся в наследство от Советского Союза.

В России имеются также богатые традиции геологоразведки, собственной геологической науки, минералогии. Все это позволяет сравнительно быстро осваивать соответствующие новейшие технологии, позволяющие увеличивать разведанные запасы, повышать отдачу от скважин (в отношении чего в России имеется значительный потенциал, особенно на месторождениях Западной Сибири) и т. п.

Следует отметить высокую энергоёмкость многих сегментов российской экономики – промышленности, транспорта, коммунального сектора; соответственно в России имеется большой резерв энергосбережения, в результате чего могут быть высвобождены значительные ресурсы углеводородов для их поставок на мировые рынки. Проблемы развития ТЭК России можно суммировать следующим образом: низкими остаются объёмы геологоразведочных работ; отстает от потребностей российского ТЭК перевооружение его технологической базы; низкая отдача скважин на большинстве месторождений (см.: **Интервью министра промышленности и энергетики Виктора Христенко // «Итоги», 12 декабря 2005 г. С. 18**); недостаточны вложения в развитие альтернативных источников энергии. ТЭК России нуждается соответственно в крупных инвестициях. В современных условиях они могут поступать как с Запада, так и с Востока, в том числе из Китая и Индии. ТЭК не только даёт значительные доходы в бюджет, но и фактически субсидирует российскую экономику (в первую очередь это относится к «Газпрому», обеспечивающему значительно более низкие внутренние цены на природный газ, чем цены на его экспорт).

11.3. В соответствии с методикой Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) промышленная продукция по уровню наукоемкости делится на четыре группы:

1) **Продукция высокой наукоемкости:**

- авианосимая и парадная военная продукция;
- офисное и компьютерное оборудование;

- радио- и телевизионное оборудование;
- медицинское оборудование и продукция фармацевтики.

2) **Продукция средневисокой наукоемкости:**

- научное оборудование;
- моторные устройства, электрические машины, станки;
- неэлектрическое оборудование;
- транспорт;
- химическая продукция.

3) **Продукция средненизкой наукоемкости:**

- черные и цветные металлы;
- металлические и неметаллические минеральные продукты;
- суда;
- рафинированная медь и ее продукты;
- химическая и резинотехническая продукция.

4) **Продукция низкой наукоемкости:**

- бумага и печатная продукция;
- текстиль, шерстяные изделия, одежда, кожа;
- продукты питания, напитки, табак;
- мебель.

114. См.: **Выступление А.А. Кокошина на пленарном заседании Государственной Думы ФС РФ 27 января 2006 г. (Правительственный час). Стенографический отчет.**

115. На протяжении целого ряда лет в российской исполнительной власти стойко доминировало отрицательное отношение к самому термину «промышленная политика». В последнее время наблюдаются изменения в этой сфере. Так, в частности, глава Минэкономразвития Г.О. Греф стал употреблять понятие «кластерная промышленная политика». – См.: **Выступление**

министра экономического развития и торговли РФ Г.О. Грефа на 114-м пленарном заседании Государственной Думы Федерального Собрания РФ 14 сентября 2005 г. Стенографический отчет. С. 68 (1–4).

116. Проблема убедительности («кредитоспособности») сдерживания при понижении «ядерного порога» как во взаимоотношениях с ядерными, так и безъядерными государствами с направленностью сдерживания по всем направлениям требует рассмотрения и других дополнительных мер по повышению убедительности сдерживания и соответственно его эффективности. Такие возможности лежат в том числе в сфере развития и возможного применения высокоточного дальнобойного оружия различных видов и типов с обычными боеприпасами, включая повышенной мощности, с использованием прежде всего в качестве платформы как подводных, так и надводных боевых кораблей, а также бомбардировочной авиации большой дальности (в наземном компоненте мы ограничены условиями Договора по РСМД).

Еще в начале 80-х гг. ряд отечественных и зарубежных специалистов отмечали, что обычные боеприпасы благодаря одновременному повышению точности и мощности приближаются к ядерному оружию малой мощности. С повышением точности наведения, которая постоянно возрастает в последние 15–20 лет, возможности боеприпасов в обычном снаряжении для поражения широкого спектра военных и экономических целей еще более увеличиваются. При этом применение обычных боеприпасов дано самой боль-

шой мощности не сопровождается эффектами, которые неизбежно присутствуют при использовании любых видов ядерных боеприпасов, даже «мини-ньюков» (проникающая радиация, радиоактивное заражение почвы, воды и др.).

Убедительная угроза применения высокоточного дальнебойного носителя с боезарядом в обычном оснащении могла бы стать основой системы «предъядерного сдерживания», дополняющей систему ядерного сдерживания. Потенциальный агрессор должен при этом иметь в виду, что он может рассчитывать на нанесение удара не только по его силам и средствам, непосредственно развернутым и задействованным против России, но и по ряду других объектов.

Система «предъядерного сдерживания» в еще большей мере, чем система ядерного сдерживания, зависит от развития соответствующей информационной структуры – средства разведки, целеуказания, навигации (включая космическую навигацию). Значительная часть этой инфраструктуры – это средства двойного назначения, которые необходимо развивать соответствующим образом. Задаче обеспечения «предъядерного сдерживания» может служить российская система космической навигации «Глонасс».

117. С приобретением в 1998 г. Индией и Пакистаном собственного ядерного оружия можно говорить о начале второго ядерного века в политико-военной и военно-стратегической сферах, ибо его обладателями стали две крупные страны, находящиеся на протяжении нескольких десятилетий в состоянии почти перманентной конфронта-

цам. В 2004–2005 гг. Индия и Пакистан смогли значительно улучшить отношения друг с другом, в том числе благодаря китайской и российской дипломатии. Летом 2005 г. Индия и Пакистан наряду с Ираном получили статус наблюдателей в Шанхайской организации сотрудничества, лидерами которой являются Россия и КНР.

118. Говоря о российской «интегральной» стратегии ядерного сдерживания, можно выделить, в частности, следующее:

- Должна быть обеспечена гибкость и многовариантность применения ядерного оружия в случае угрозы жизненно важным интересам России. С одной стороны, это увеличивает степень неопределенности для потенциальных противников, с другой – даст нам возможность в острой ситуации продемонстрировать решимость к применению ядерного оружия. Необходимо отработать искусство «стратегического жеста», выстроить более многоступенчатую «лестницу эскалации» в применении эффекта ядерного сдерживания в конфликтных и кризисных ситуациях, затрагивающих жизненно важные интересы России.
- Необходимо сохранить полную независимость всего российского потенциала ядерного сдерживания, включая СПРН, СКНП, средства стратегической разведки.
- Средства сдерживания должны обеспечивать нанесение потенциальному противнику неприемлемого ущерба в любом варианте ответных действий. При этом расчеты ущерба должны вестись исходя не только из первичных, но и вторичных, и третичных последствий

ядерных ударов, экологических, медико-биологических и других факторов.

- Приоритетом в развитии сил сдерживания должно быть качественное совершенствование ядерных боеприпасов и средств их доставки, позволяющее обеспечить эффект сдерживания в отношении любого потенциального агрессора при значительно более низких уровнях стратегических ядерных вооружений, меньшем количестве оперативно-тактического и тактического ядерного оружия; развитие способности и преодоление противоракетной обороны, в том числе с элементами космического базирования.
- Необходимо выйти на новый уровень интегральности при еще большей компактности всей системы ядерного сдерживания. Российский потенциал ядерного сдерживания в оперативном и концептуальном отношении должен включать в себя все ядерные средства – стратегические, оперативно-тактические, тактические, а также систему предупреждения о ракетном нападении, систему контроля космического пространства, средства стратегической разведки и пр.

119. См.: Кокошкин А.А. **Ядерное сдерживание и национальная безопасность России на пороге XXI века.** – М.: ИПМБ РАН, 2000. С. 37–38.

120. Перед российским Военно-морским флотом стоят новые задачи. Они, в частности, связаны с обеспечением безопасности транспортировки нефти с различных российских месторождений. Масштабность этой задачи особенно возрастает после того, как десятки миллионов тонн сибирской нефти пойдут через дальневосточные

порты на мировые рынки. При наличии достаточно мощного военного флота надежность России как поставщика углеводородов будет явно большей, чем при другом положении. Азиатско-Тихоокеанский регион развивается более быстрыми темпами, чем другие районы мира. Многие политологи, экономисты и политики говорят о том, что наступающий век станет веком Азии и Тихого океана, о том, что сюда перемещается центр мировой политики.

Военно-морской флот может и должен играть серьезную роль в защите рыбных богатств России на Дальнем Востоке. Это очень крупный вопрос экономической безопасности, в решении которого флоту необходимо помогать нашим пограничникам, другим госорганам, у которых на таких огромных просторах явно имеются весьма ограниченные возможности. Для этого надо решить ряд юридически-правовых вопросов, предоставить ВМФ соответствующие полномочия, в том числе путем введения соответствующих поправок в действующее законодательство. (Это же касается и участия флота, Вооруженных сил в целом в борьбе с терроризмом.)

121. Обоснованным можно считать решение руководства Министерства обороны РФ по определению в качестве первоочередного приоритета перевооружения на новую технику ВВС и ПВО.
122. Весьма примечательны серьезные разработки по проблеме «революции в военном деле» одного из ведущих политико-военных и военно-стратегических теоретиков КНР заместителя начальника Генерального штаба НОАК генерал-

полковника Сюн Гуанкая (см.: **Xiong Guankai. International Strategy and Revolution in Military Affairs.** – Tsinghua University Press, 2004. P. 167–185). Сюн Гуанкай обоснованно подчеркивает, что «революция в военном деле» применительно к КНР, НОАК должна реализовываться в специфическом, строго отвечающем интересам и возможностям Китая виде (*Ibid.* P. 183).

123. Такого рода усилия, ориентированные на долгосрочную перспективу, не приносящие ни славы, ни дополнительного дохода тем, кто их предпринимает, требуют формирования особой этики и морали служения своему государству, своему народу в духе того, что можно называть просвещенным патриотизмом.
124. Многомерность образования удачно представлена в формулировке В.Ю. Суркова: «У образования много значений. Создание образа человека и народа. Образа мыслей. Образа будущего. Образование, то есть создание нации, организация ее жизни, ее культура. Образование как возможность прорыва в экономическую элиту». – Сурков В.Ю. Указ. соч. С. 12.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Г.В. Осипов, В.Я. Лоталов	3
Глобализация и «размывание суверенитета»	9
«Десуверенизация» и реальности развития современной мирополитической системы	31
Развитие концепции суверенитета	47
Формула реального суверенитета	63
Контурь российской стратегии обеспечения реального суверенитета	71
Примечания	97

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ЕВРОПА» ВЫШЛИ В СВЕТ

Алексей Чадаев

Путин. Его идеология

Предисловие: Г.О. Павловский

Москва, издательство «Европа», 2008. – 202 с.

Первая попытка разбора идеологии президента Владимира Путина, опирающаяся на его действия и слова. Алексей Чадаев – известный интеллектуал, член Общественной палаты – исследует доктрину лидера, воздействующего на чувства людей в большей степени, чем на ее поведенческие. Политическая история смелых ролей, от «антикризисного менеджера» и «президента надежд» – к лидеру строительства новой нации. Тексты путинского послания и их смысловой анализ дополняет авторский текст.

Книга рассчитана на специалистов и интересующих политическую науку. Рекомендуется для систем партийной учебы.

Приоритетные национальные проекты: цифры, факты, документы

Москва, издательство «Европа», 2008 – 180 с.

Идея фонда развития наконец получила выражение в поручении Президента Путина, обозначенных национальных проектах. Доступное жилье, образование, медицина, поддержка Агробизнеса – платные статьи уже забыты, высказывание с экранов телевизоров стерлось из памяти. Главы регионов один за

другим репортуток, что и исполнены головы. Совсем не просто обобщить, о чем конкретно идет речь в каждой из программ. Выявляя основные материалы по национальным проектам в одной тетради, их дополняют справочными приложениями, включая зарубежный опыт решения сходных задач, полтора вдумчиво. Во-первых, понятно, о чем в каждой программе идет речь. Во-вторых, их сопоставление позволяет задуматься о путях и способах обрести программы в единое целое в городах и селах, где живет тот самый человек, на благо которого начаты проекты.

Сергей Мерзлов

Гибель права легитимности в «оранжевой революции»

Москва, издательство «Европа», 2008. – 202 с.

Сергей Мерзлов глазами правоведа наблюдал и изучал опыт «оранжевой революции», освещавшейся в прессе с сугубо общественной стороны. России еще долго предстоит иметь дело с глобо продолжаемой Украиной, ситуацией в других соседних странах полна несправедливости, вопрос о легитимности действий властей и разного рода оппозиций приобретает первостепенное значение. Оказывается, самые экзотические представления о легитимности можно не только внушать, но и воплотить с помощью технологических процедур. Обнаруживается, что если власть не умеет отстоять свою законность, кризисы легитимности власти можно успешно управлять – не столько конуры, сколько козы, с помощью неправительственных организаций, парламентских постановлений, прямых фальсификаций, в которых активно участвовали европейские международные наблюдатели. Особый интерес представляет детальный разбор действий Верховного суда Украины, на который возложена ответственность за паровую победу «оранжевиков». Сейчас, на фоне острого противостояния парламента и президента, в преддверии выборов в Верховную раду и, возможно, референдума о характере власти на Украине, книга особенно актуальна.

Мечта о русском единстве. Киевский свиток (1674)

Москва, издательство «Бароко», 2006. – 240 с.
Сочинение ректора Киево-Могилянской коллегии, архимандрита Киево-Печерской лавры Мелкиседея Писля, составленное вскоре после Переяславской рады, утвердившей присоединение Украины к России, в течение целого века исполняло роль единственного учебника российской истории. С появлением под-

линки исторических сочинений, начиная с Ломоносова, «Свиток» перешел в разряд памятников культуры, лишь на которых неожиданно обрели острую актуальность. «Свиток» интересен уже тем, что ясно доказывает: идея объединения всего русского народа под властью единого государства рождена была не в Москве, а в юго-западных землях, и оформлена в Киеве. Сейчас, когда у соседней одна за другой подается власть, авторы которой вводят украинскую государственность к скифам и сарматам, особенно сильно звучит древний текст, в котором есть «Россия», «Русь», «Земля Русская», «Российская земля», «Земля Российская», «Государство Русское», «все государства Российские», «все Княжения Российские», «Государство Российское». В послерядных главах появляются «Велькая и Малая, и Белая Россия». Ни слова «Украина», ни производного «украинский» в «Свиток» нет.

Все политика. Хрестоматия

Сост.: В.Д. Нечев, А.В. Фалетов

Москва, издательство «Европа», 2006. – 440 с.

Наконец-то есть самоучитель политических знаний для человека, окончившего среднюю школу и не успевшего полностью разобраться в мире, в стране, гражданином которой он с формальной точки зрения стал, получив на руки паспорт, а по сути становится им по мере достижения

политической зрелости. Жанр хрестоматии соблюден здесь в точности: десятки документов, выступлений и интервью российских политиков, критиков наших и иностранных собраны в довольно раздвоен – от того, что такое вообще политика, и до того, чем в наше время является вопрос о национальном суверенитете; от сжатой и емкой характеристике основных политических идеологий до политической системы государств и сути ее реформирования. Вопросы к читателю, которыми завершается каждый раздел, сформулированы так, что ответ на них возможен при условии внимательного, рассудительного чтения книги, полезной и как справочник, и как учебник.

**Все книги можно приобрести
в издательстве «Европа» по адресу:
г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1,
тел. 745-52-25, факс 725-78-67**

Серия «Мировой порядок»

Андрей Коношин

РЕАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ
в современной мирополитической системе

Светловский редактор Т. Роголов
Художественный редактор С. Захаров
Редакторы Н.М. Шестова, А.Н. Юсупова
Корректор О. Кандактова
Макетирование А. Мошков
Верстка Г. Борисова

Подписано в печать 28.02.2006 г. Формат 70x100 1/32.
Бумага офсетная. Гарнитура FranklinGothic.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,25. Тираж 2000 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманна, д. 1
тел. 745-52-25, факс 725-78-67

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии «Момент»